ЛѢТОПИСЬ

ПРОИСХОДЯЩИХЪ

ВЪ РАСКОЛѢ СОБЫТІЙ

за 1897 годъ.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешкля,
преемн. Э. ЛИССНЕРА И Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1897.

Отдѣльный оттискъ изъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 за 1897 г.
журнала *Братское Слово*

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, ноября 16-го дня 1897 года.
Цензоръ протоіерей **Іоаннъ Петропавловскій**.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Еще одно отрадное для церкви событіе. — Новое проявленіе невѣжества со стороны интеллигентныхъ представителей раскола 1
2. Нѣчто о предположеніи перевести прахъ Амвросія въ Бѣлую-Криницу. — Недоумѣніе по поводу переписи 10
3. Соборы у раскольниковъ. — Нѣчто о раскольническомъ „Словѣ Правдѣ". — Заботы издателей раскольнической газеты о наибольшемъ ея распространеніи. — Пособники ея распространенію. — Религіозность интеллигентовъ раскола 21
4. Новыя подпольныя изданія раскольниковъ 33
5. Еще о затѣѣ перевезти прахъ Амвросія въ Бѣлую-Криницу 49
6. Рѣдкій образчикъ раскольнической безсовѣстности. — Нѣчто о Зыковѣ, Мельниковыхъ и Швецовѣ 69
7. Конецъ дѣла о перенесеніи Амвросіева праха. — Новый достойный защитникъ австрійскаго лжесвященства, выставленный Швецовымъ 79
8. Еще нѣчто о Мельниковыхъ. — Нѣкоторыя новости въ австрійской лжеіерархіи 88
9. Исправленіе неточности. — Какія книги вывозятъ раскольники изъ-за границы. — Новые лжеепископы у неокружниковъ и окружниковъ 92

Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ событій.

1. Еще одно отрадное для церкви событіе. — Новое проявленіе невѣжества со стороны интеллигентныхъ представителей раскола.

Самымъ важнымъ для ревнителей именуемаго старообрядчества и самымъ утѣшительнымъ для присныхъ сыновъ церкви православной событіемъ прошлаго 1896 года было, безъ сомнѣнія, выраженное и возвѣщенное съ высоты Престола „сожалѣніе о томъ, что русскіе люди (старообрядцы) не могутъ доселѣ присоединиться въ молитвѣ ко всему стаду русской православной церкви и пребывать въ духовномъ единеніи и мирѣ со всѣми русскими людьми, подъ руководствомъ законной россійской іерархіи, сохраняя всѣ свои святые, отъ отцовъ и дѣдовъ преданные, обряды“[1]).

Эти многознаменательныя слова благополучно царствующаго Государя Императора, составляющія дѣйствительно событіе великой важности въ новѣйшей исторіи раскола, были сказаны и возвѣщены старообрядцамъ въ отвѣтъ на телеграмму, которою одно старообрядческое общество приносило Его Величеству привѣтствіе съ совершившимся

[1]) См. „Лѣтопись“ 1896 г. гл. 9.

священнымъ вѣнчаніемъ на царство. На ожесточенныхъ ревнителей раскола это, съ высоты престола сдѣланное, напоминаніе имъ о необходимости „пребывать въ духовномъ единеніи и мирѣ со всѣми русскими людьми, *подъ руководствомъ законной россійской іерархіи*“, хотя и съ соблюденіемъ своихъ, отъ отцовъ и дѣдовъ преданныхъ обрядовъ, произвело поражающее впечатлѣніе; но, къ сожалѣнію, пробудило въ нихъ не мирныя чувства къ православной церкви, не готовность войти въ желаемое Государемъ Императоромъ „единеніе“ съ нею, а вызвало еще бо́льшую злобу противъ нея и неслыханную дерзость противъ самого православнаго Самодержца Россіи, выразителемъ которыхъ тогда же явился ихъ заграничный печатный органъ, съ беззастѣнчивой откровенностію раскрывающій обыкновенно ихъ затаенныя мысли, желанія и чувства. Напротивъ, всѣми, искренно преданными православной церкви, русскими людьми многознаменательное слово благочестивѣйшаго Государя было встрѣчено съ живѣйшею радостію и самыми отрадными надеждами, какъ залогъ и свидѣтельство вполнѣ правильныхъ и твердо установившихся правительственныхъ воззрѣній на расколъ и отношеній къ нему.

Въ то же самое время послѣдовало и другое, не менѣе важное для раскола и не менѣе отрадное для церкви, событіе. Оно, равно какъ и первое, было замолчано нашей печатью всѣхъ оттѣнковъ, хотя и говоритъ она о всемъ и о всѣхъ; а мы желаемъ поставить извѣстіе о немъ во главу нашей новой „Лѣтописи“, какъ знаменіе во благо.

Въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ была послана на Высочайшее имя телеграмма отъ измаильскихъ старообрядцевъ, подъ которою значилась слѣдующая подпись: „Духовный (?) Никольской церкви епископъ Анастасій. Старосты церкви Бочаровъ, Григорьевъ, Бѣловъ“. Мы знаемъ и помнимъ, что въ прежнее время посылались подобнаго рода телеграммы за подписью раскольническихъ мнимо-духовныхъ лицъ, и на телеграммы

эти получались благодарственные отвѣты: принимая съ величайшею радостію эти отвѣты, раскольники обыкновенно печатали ихъ въ газетахъ и указывали на нихъ, какъ на доказательство того, что сама верховная власть признаетъ ихъ духовенство законнымъ, и многихъ неопытныхъ соблазняли этимъ переходить въ расколъ, подъ паству якобы самимъ правительствомъ признаннаго старообрядческаго духовенства. Телеграммы и посылались главнымъ образомъ съ этою именно цѣлію. Безъ сомнѣнія, въ этихъ же расчетахъ послалъ свою телеграмму и Анастасій, — и онъ, конечно, ожидалъ, что будетъ получена благодарственная телеграмма на имя „духовнаго епископа Анастасія“. Но на этотъ разъ онъ горько ошибся, а съ нимъ вмѣстѣ потерпѣли жестокое пораженіе и всѣ раскольники, называющіе себя „пріемлющими священство“, т.-е. австрійское священство. Чрезъ г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода сообщено было отъ 31 мая бессарабскому губернатору, чтобы онъ сдѣлалъ распоряженіе къ объявленію означенному Анастасію, что онъ не имѣетъ права именовать себя епископомъ, обращаясь къ лицу Государя Императора, ибо епископство его незаконное“. Какъ и слѣдовало ожидать, „объявленіе“ такого отвѣта поразило раскольниковъ, и тотъ же выразитель ихъ мыслей и чувствъ — заграничный газетчикъ Мельниковъ напечаталъ по сему случаю особой брошюрой статью самаго гнуснаго, возмутительнаго содержанія [1]). И это, повторяемъ, вполнѣ понятно, ибо полученный Анастасіемъ отвѣтъ имѣетъ значеніе не для него только лично, а для всего австрійскаго именуемаго архіерейства и іерейства. Не должно забывать, что Анастасій, какъ измаильскій, т.-е. какъ именуемый архіерей перешедшихъ изъ Турціи раскольниковъ, по

[1]) Не знаемъ, есть ли это извлеченіе изъ его газеты, такъ какъ послѣднихъ №№ ея мы не получили, или самостоятельно изданная брошюра. Любопытенъ способъ распространенія этой брошюры въ Измаилѣ: она просто разбросана была по улицамъ, у дверей обывателей.

условіямъ присоединенія къ Россіи новой Бессарабіи, могъ считать себя законно существующимъ въ Россіи раскольническимъ архіереемъ, почему, надобно полагать, и осмѣлился подписаться на телеграммѣ: „духовный епископъ“. Значитъ, если и ему объявлено, что „не имѣетъ права именовать себя епископомъ“, что „епископство его незаконное“, то тѣмъ болѣе всѣ прочіе раскольническіе архіепископы и епископы, — всѣ эти Савватіи, Кириллы, Сильвестры и проч., — должны знать, что, обращаясь къ правительству, они не имѣютъ права называть себя этими именами, должны знать, что правительство не признаетъ ихъ епископства „законнымъ“, считаетъ его ложнымъ, безблагодатнымъ, что они предъ правительствомъ не епископы, а лже-епископы, потому и поставленные ими для раскольниковъ попы не священники, а лжесвященники. Въ этомъ общемъ своемъ значеніи данное Анастасію вразумленіе свыше имѣетъ чрезвычайную важность: имъ полагается конецъ дерзкимъ притязаніямъ раскольническаго духовенства — выставлять себя даже предъ правительствомъ въ званіи епископовъ и священниковъ, каковыми они выставляли себя напр. въ окружныхъ судахъ, члены которыхъ въ свою очередь съ непостижимой благосклонностью относились къ этимъ, совершенно незаконнымъ ихъ заявленіямъ. Ни раскольники, ни судебныя и иныя власти не хотѣли знать, что притязанія эти явно противорѣчатъ смыслу майскаго закона 1883 года, не признающаго за раскольническимъ духовенствомъ никакихъ духовныхъ, или священныхъ сановъ. Данное же Анастасію вразумленіе есть въ сущности не что иное, какъ точное практическое примѣненіе этого закона, получающее особенную силу собственно отъ того, кѣмъ, чрезъ кого и по какому случаю оно сдѣлано. Теперь, имѣя въ виду такой примѣръ точнаго примѣненія закона въ полной его силѣ, раскольническіе лжеепископы и лжепопы, надобно полагать, не посмѣютъ уже посылать телеграммы на Высочайшее имя, подписываясь въ непринадлежащемъ имъ званіи епи-

скоповъ и священниковъ, не посмѣютъ уже являться въ этомъ званіи предъ судами, хотя и благосклонными къ нимъ, и предъ разными правительственными лицами, равно какъ и повсюду, гдѣ они любили показывать себя лицами духовнаго званія. Теперь, послѣ даннаго свыше примѣра, какъ должно примѣнять законъ 3 мая, конечно, и сами власти судебныя, административныя, полицейскія и иныя съ бо́льшею внимательностію и строгостью будутъ относиться къ претензіямъ раскольническихъ лжеепископовъ и лжесвященниковъ выдавать себя имѣющими духовный санъ, и не будутъ уже оказывать имъ въ этомъ отношеніи прежнее, непростительное потворство. Теперь наконецъ (и это всего важнѣе), когда сдѣлается общеизвѣстнымъ присланный на телеграмму Анастасія отвѣтъ г-ну бессарабскому губернатору (о чемъ и желательно позаботиться), сами старообрядцы и тѣ довѣрчивые люди, которыхъ соблазняютъ въ старообрядчество, должны со всею ясностію увидѣть и понять, что, по суду высшей правительственной власти, раскольническое священство есть священство „незаконное“, ложное, и что поэтому признавая его правильнымъ и законнымъ, они ставятъ себя въ противорѣчіе съ правительствомъ.

Таково значеніе сообщеннаго чрезъ посредство бессарабскаго губернатора живущему въ его губерніи раскольническому лжеепископу отвѣта на его телеграмму, — и потому-то ожесточенные ревнители раскола, подобные Мельникову, встрѣтили извѣстіе объ немъ съ крайнею враждебностію, разными лжетолкованіями, бранью, и ругательствами; и вотъ почему, напротивъ, всѣ искренно преданные православной церкви и желающіе ей преуспѣянія, прочитавъ извѣстіе о немъ, возблагодарятъ Бога, что наконецъ-то ихъ давнія желанія исполняются, наконецъ-то дождались они свыше раздавшагося твердаго, властнаго слова, обуздывающаго наглость раскольническихъ лжеепископовъ и лжепоповъ, такъ смѣло заявлявшихъ вездѣ о своихъ мнимыхъ правахъ на именованіе епископами и

священниками и въ этомъ званіи имѣвшихъ дерзость отправлять телеграммы даже на Высочайшее имя, — наконецъ-то могутъ быть увѣрены, что никакія власти какъ бы ни были расположены мирволить расколу, помня это властное слово, уже не позволятъ подобныхъ дерзостей и противузаконностей раскольническимъ лжеепископамъ и лжепопамъ, и всѣ будутъ тверже знать и помнить, что такъ называемое австрійское священство, по суду верховной власти, есть не законное, не истинное священство, что именующіеся въ немъ епископы суть лжеепископы, именующіеся священники — лжесвященники. Вотъ почему и мы съ особенною радостію заносимъ въ нашу Лѣтопись извѣстіе о данномъ свыше вразумленіи всему раскольническому лжесвященству въ лицѣ одного изъ наиболѣе видныхъ его представителей, и начинаемъ этимъ извѣстіемъ новый годъ въ благое для него знаменіе.

Мы говорили объ ожесточенныхъ ревнителяхъ раскола, имѣющихъ своимъ представителемъ издателя заграничной раскольнической газеты, — говорили, какъ враждебно отнеслись эти ревнители и къ изреченному съ высоты Престола приглашенію старообрядцамъ войти въ единеніе со всѣмъ православнымъ русскимъ народомъ, подъ руководствомъ законныхъ его пастырей, и къ данному свыше вразумленію о незаконности и ложности ихъ собственнаго именуемаго священства. Но лучше ли этихъ Мельниковыхъ и Брилліантовыхъ, Смирновыхъ и Швецовыхъ даже интеллигентные представители раскола, обитающіе въ дворцахъ и замкахъ, воздвигнутыхъ въ Москвѣ на диво проходящимъ, остриженные и одѣтые по-европейски, посѣщающіе театры, концерты и балы? Они-то какъ приняли и это Царское слово о мирѣ и единеніи въ вѣрѣ подъ руководствомъ законныхъ пастырей и это напоминаніе о незаконности и ложности именуемаго старообрядческаго пастырства? Какъ они приняли? — это всего лучше показываетъ недавній случай, имѣвшій мѣсто въ залѣ московской городской Думы. 7 января собрались здѣсь въ полномъ составѣ

вновь избранные гласные города Москвы для принесенія установленной присяги. Послѣ молебствія предъ чудотворной Иверской иконой Богоматери, отслуженнаго преосвященнымъ Несторомъ епископомъ Дмитровскимъ, викаріемъ Московской митрополіи, начато было тѣмъ же преосвященнымъ приведеніе гласныхъ къ присягѣ. Въ это время отъ общаго состава гласныхъ отдѣлилась небольшая группа въ 7—8 человѣкъ, не желавшихъ присягать вмѣстѣ съ другими предъ православнымъ епископомъ и, во свидѣтельство вѣрности присягѣ, прикладываться ко кресту, хотя и осмиконечному, но предлагаемому православнымъ архіереемъ, и къ святому Евангелію, въ которомъ имя Спасителя напечатано, какъ и слѣдуетъ, *Іисусъ*, а не *Ісусъ*, какъ требуютъ раскольники, признающіе подъ именемъ *Іисуса* не Христа Спасителя, а инаго Бога — антихриста, въ котораго будто бы и вѣруетъ грекороссійская церковь. Эти отдѣлившіеся отъ числа прочихъ гласные были именно московскіе интеллигентные представители старообрядчества, не смотря на свою интеллигентность тоже, должно быть, признающіе, что всѣ ихъ коллеги - гласные вѣруютъ въ антихриста... Послѣ общей присяги, эти г-да интеллигенты-старообрядцы были приведены къ присягѣ (и не сгорѣли со стыда?) особо, г-мъ товарищемъ городскаго головы Щепкинымъ, и цѣловали предложенный имъ крестъ, тоже восмиконечный, но должно быть болѣе святой отъ того, что предлагался православнымъ міряниномъ, а не православнымъ епископомъ, и Евангеліе, въ которомъ имя Спасителя напечатано $\overline{\text{Іс}}$, хотя и здѣсь должно произноситься *Іисусъ*. Нельзя не подивиться невѣжеству г-дъ интеллигентовъ раскола и ихъ совсѣмъ не интеллигентной враждѣ противъ православной церкви! Ибо чѣмъ другимъ, кромѣ невѣжества и слѣпой вражды къ православію, можно объяснить то противорѣчіе, въ какое они очевидно впадаютъ, отказавшись принять присягу отъ православнаго епископа и принимая ее отъ товарища головы? Вѣдь г. Щепкинъ тоже православный и не могъ замѣнить имъ ихъ Савватія.

Чѣмъ другимъ, кромѣ невѣжества и слѣпой вражды къ православному духовенству, можно объяснить, что одинъ и тотъ же осмиконечный крестъ они считаютъ святымъ, когда онъ предлагается православнымъ міряниномъ, и не святымъ, когда предлагается православнымъ епископомъ? что Евангеліе съ правильнымъ начертаніемъ имени Спасителя *Іисусъ* отвергаютъ, какъ недостойное почитанія. Ужели и они дѣйствительно держатся нечестиваго раскольническаго мнѣнія, что православная церковь подъ симъ спасительнымъ именемъ вѣруетъ въ инаго Бога, антихриста? И такія дикія понятія о православной церкви, такую вражду къ ней, такое отчужденія отъ ея архипастырей и пастырей, интеллигентные московскіе старообрядцы демонстративно выставляютъ на видъ въ публичномъ собраніи избранныхъ представителей Москвы послѣ того, какъ съ высоты Престола обращено къ нимъ слово о желаемомъ соединеніи ихъ со всѣмъ русскимъ народомъ подъ паствою законныхъ пастырей церкви и когда имъ объявлено высшею властію, что ихъ именуемые пастыри, предъ которыми, очевидно, они хотѣли бы приносить присягу, суть пастыри ложные и незаконные, лжеепископы и лжепопы! Значитъ и для нихъ Царское слово и объясненный высшею властію законъ не имѣютъ никакой цѣны, и если, подобно Мельникову и Брилліантову, они не позволяютъ себѣ печатной брани по ихъ поводу, то, нимало не стѣсняясь, публично выражаютъ самымъ дѣломъ полное къ нимъ пренебреженіе...

А между тѣмъ одинъ изъ этихъ интеллигентныхъ старообрядцевъ, такъ публично выразившихъ свое отвращеніе отъ православной церкви, а вмѣстѣ и полное пренебреженіе къ сказанному съ высоты Престола слову сожалѣнія объ этомъ ихъ отчужденіи отъ православія и православныхъ пастырей, — одинъ изъ нихъ, носящій громкую въ фабричномъ мірѣ (и въ расколѣ) фамилію, значится въ числѣ первыхъ лицъ предназначенныхъ на должность московскаго городскаго головы, и по слухамъ

имѣетъ очень много шансовъ на полученіе этой должности. Положимъ, что въ столицѣ голова-раскольникъ не можетъ приносить столько зла православнымъ гражданамъ и такъ покровительствовать раскольникамъ, какъ это дѣлаютъ раскольники-головы въ маленькихъ городахъ и раскольники-старосты въ посадахъ; но какой былъ бы позоръ для древлепрестольной Москвы, имѣющей сорокъ сороковъ православныхъ храмовъ, если бы дѣйствительно получила она голову — раскольника, который по обязанности долженъ будетъ являться на торжественныя служенія въ знаменитыхъ соборахъ Москвы, но съ пренебреженіемъ будетъ отстраняться отъ священнодѣйствующихъ тамъ православныхъ, архипастырей и пожалуй потребуетъ, чтобы на ихъ мѣстѣ становился потомъ г. Щепкинъ, или кто другой, и предлагалъ ему крестъ для цѣлованія, за невозможностію ввести туда своего Савватія или инаго, лжеепископа! Нѣтъ, православная Москва, конечно, не допуститъ такого позора...

Не безъ участія также интеллигентныхъ московскихъ старообрядцевъ, для подтвержденія мнимой законности и правильности австрійскаго лжесвященства и для вящшаго прославленія его предприняты хлопоты предъ австрійскимъ правительствомъ о перенесеніи въ Бѣлую-Криницу похороненнаго въ Цилли родоначальника этой лжеіерархіи, бѣглаго греческаго митрополита Амвросія, о чемъ мы не разъ упоминали мимоходомъ, а теперь со словъ заграничныхъ газетъ говорится уже и въ нашихъ, при чемъ прямо указывается, что „старообрядвы желаютъ перенести прахъ Амвросія въ Бѣлую-Криницу съ цѣлію сдѣлать его предметомъ поклоненія и паломничества для своихъ согласниковъ изъ Россіи, Румеліи, Турціи и Буковины“. Но объ этихъ замыслахъ мы скажемъ подробнѣе слѣдующій разъ.

2. Нѣчто о предположеніи перенести прахъ Амвросія въ Бѣлую Криницу.— Недоумѣнія по поводу переписи.

Мы обѣщались поговорить о затѣѣ раскольниковъ перенести, или перевезти прахъ Амвросія изъ Тріеста, гдѣ онъ похороненъ, въ Бѣлую Криницу.

Объ этой раскольнической затѣѣ ходили въ Москвѣ слухи еще осенью прошлаго года, и слухи оказались справедливыми. Затѣя существовала; были сдѣланы и попытки къ приведенію ея въ исполненіе, — попытки, не прекращаемыя и доселѣ. Побужденій къ такому рискованному предпріятію у раскольниковъ австрійскаго согласія, какъ мы полагаемъ, было достаточно. Во-первыхъ въ 1896 г. исполнилось ровно пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ греческій безмѣстный митрополитъ Амвросій, прельщенный выгодными предложеніями бѣлокриницкихъ искателей архіерейства, иноковъ Павла и Алимпія, и позорно бѣжавшій тайкомъ, въ казацкомъ платьѣ, изъ Константинополя, преступно отрѣкся отъ православной церкви и принятъ въ расколъ по второму чину, чрезъ помазаніе фальшивымъ мvромъ, при чемъ, въ полное нарушеніе каноновъ церковныхъ, бѣглый же раскольническій попъ Іеронимъ объявилъ его дѣйствительнымъ митрополитомъ, возстановителемъ „древлеправославной“ іерархіи у раскольниковъ-поповцевъ. Для православной церкви и особенно для церкви греческой, воспитавшей Амвросія, эта измѣна его православію — событіе прискорбное; раскольники же и въ то время привѣтствовали его и доселѣ говорятъ о немъ съ радостію и торжествомъ. И вотъ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени этого радостнаго для нихъ событія, совершившагося 28 октября 1846 г. Пятьдесятъ лѣтъ, какъ ихъ именуемая „древлеправославная“ церковь имѣетъ свою іерархію во всей полнотѣ ея чиновъ! Если бы раскольники здраво разсудили, что дѣй-

ствительная „древлеправославная“ церковь должна имѣть іерархію не пятидесятилѣтней давности, а непрерывно идущую отъ временъ апостольскихъ, что поэтому пятидесятилѣтіе ихъ іерархіи служитъ въ сущности обличительнымъ для нихъ указаніемъ ложности ихъ именуемой церкви, въ дѣйствительности вовсе не „древлеправославной“, и ихъ именуемаго священства, не отъ Апостоловъ ведущаго происхожденіе,— если бы они разсудили объ этомъ, то должны были бы не утѣшаться совершившимся въ 1846 г. пріобрѣтеніемъ Амвросія, позорно измѣнившаго православію, а по ихъ мнѣнію принятаго ими отъ ереси, пришедшаго въ санѣ еретическаго епископа, чуждаго благодати, — должны бы напротивъ стыдиться такого позорнаго дѣла и скорбѣть, что имѣютъ новую, столь незаконно учрежденную іерархію. Но покрывало лежитъ на очахъ нашихъ именуемыхъ старообрядцевъ,— не понимаютъ, или не хотятъ они понять всего этого, и дѣйствительно лукуютъ, что исполнилось уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ пришелъ къ нимъ въ Бѣлую Криницу Амвросій, чтобы положить начало ихъ іерархіи, — и въ ознаменованіе столь радостнаго событія задумали перенести прахъ этого печальной памяти митрополита на мѣсто его преступнаго подвига — въ Бѣлую Криницу. Новымъ побужденіемъ къ такому предпріятію служило, надобно полагать, и великое торжество православной русской церкви — открытіе мощей святителя Ѳеодосія въ Черниговѣ. Извѣстно, что къ этому великому событію многіе разумные старообрядцы отнеслись съ подобающимъ вниманіемъ, какъ къ очевидному свидѣтельству о несомнѣнномъ православіи россійской церкви, и что, напротивъ, ожесточенные ревнители и защитники раскола встрѣтили его съ крайнею непріязнію: этимъ послѣднимъ и желательно было противопоставить торжеству православія торжество раскола, — устроить и у себя, если не открытіе мощей, то перенесеніе въ Бѣлую Криницу праха ея первопрестольника и родоначальника всей нынѣ существующей у раскольниковъ іерархіи, котораго можно

будетъ объявить потомъ и святымъ, нетлѣнно почивающимъ (это не составитъ труда для людей, такъ настойчиво выдающихъ за мощи персидскихъ мучениковъ какіе-то неизвѣстные трупы). Было, безъ сомнѣнія, и еще одно побужденіе — начать хлопоты о перенесеніи Амвросіева праха изъ Тріеста въ Бѣлую Криницу. Перейдя въ расколъ изъ корыстныхъ разсчетовъ, Амвросій, какъ извѣстно, не скрывалъ своего отвращенія къ нему и тогда еще, какъ жилъ въ Бѣлой Криницѣ и близко познакомился здѣсь съ неизвѣстной ему дотолѣ „липованской ересью“. Онъ даже радъ былъ навсегда разстаться съ Бѣлой Криницей, когда ему приказано было ѣхать въ Цилли,— городъ, назначенный мѣстомъ его ссылки, гдѣ могъ онъ жить, не видя липованъ, а только получая отъ нихъ ежегодно свои пятьсотъ червонцевъ. Поселившись въ Цилли, Амвросій скоро вошелъ въ сношеніе съ находящимся въ Штиріи греческимъ духовенствомъ, а передъ смертію напутствованъ былъ православнымъ греческимъ священникомъ и похороненъ въ Тріестѣ на православномъ греческомъ кладбищѣ[1]). Такія свидѣтельства Амвросіева отвращенія отъ „липованской ереси“ и возвращенія въ греческую церковь, нерѣдко поставляемыя православными на видъ защитникамъ австрійской лжеіерархіи, до крайности непріятны этимъ послѣднимъ,— а особенно смущаетъ ихъ это погребеніе Амвросія на православномъ греческомъ кладбищѣ, чего никакъ нельзя уже отвергнуть (легче было бы для нихъ, если бы тѣло Амвросія лежало на лютеранскомъ кладбищѣ, вмѣстѣ съ нѣмецкими покойниками!). Какъ же послѣ этого не желать имъ уничтоженія такой явной улики, что Амвросій возвратился изъ раскола въ греческую церковь? Конечно, и съ перевезеніемъ его праха въ Бѣлую Криницу не уничтожится тотъ несомнѣнный фактъ, что Амвросій, какъ возвратившійся въ православіе, допущенъ былъ греками

---

[1]) Все это подробно и документально раскрыто въ книжкѣ о. Филарета: „Былъ ли и остался ли Амвросій преданъ старообрядчеству“.

для погребенія на ихъ кладбищѣ; но все же они получатъ тогда возможность говорить, что онъ ихъ и у нихъ находится. Вообще, побужденій хлопотать о перевезеніи праха Амвросія изъ Тріеста въ Бѣлую Криницу было достаточно, и начать эти хлопоты было рѣшено.

Начинателями и главными дѣятелями были здѣсь, разумѣется, Брилліантовъ, Мельниковъ, Смирновъ, — вся вообще Швецовская компанія; но, какъ мы замѣтили прошлый разъ, дѣло началось не безъ согласія и участія интеллигентныхъ московскихъ старообрядцевъ. Не всѣ изъ нихъ, конечно, изъявили это согласіе; но были и такіе, что отнеслись къ затѣѣ со всѣмъ сочувствіемъ, и во главѣ ихъ стоитъ, конечно, владычествующій Савватіемъ и всѣмъ московско-австрійскимъ расколомъ фабрикантъ, такъ хорошо извѣстный нашимъ читателямъ, что нѣтъ надобности и называть его по имени. Нужно сказать, что съ нѣкотораго времени онъ сталъ интересоваться живущими за границей своими односектантами, не разъ ѣздилъ въ Бѣлую Криницу и особенно возлюбилъ устроенный тамъ женскій монастырь, или скитъ, — тотъ самый о которомъ о. Онуфрій, будучи еще намѣстникомъ Бѣлокриницкой митрополіи, писалъ Аркадію Васлуйскому: онъ „такъ намъ вреденъ (въ нравственномъ отношеніи), что невозможно и словомъ сказать“. Въ этомъ женскомъ монастырѣ московскій коммерсантъ задумалъ даже построить каменный храмъ, который теперь на его средства и сооружается. И здѣсь же, въ Бѣлокриницкомъ женскомъ скиту, сдѣланъ былъ опытъ открытія мощей на прославленіе раскола въ противодѣйствіе черниговскому торжеству, — надѣялись обрѣсти нетлѣнно почивающею первую бѣлокриницкую игуменію — Александру, которая еще въ Россіи, т.-е. до бѣгства за границу, ознаменовала себя особенною ревностію о „древнемъ благочестіи“, а равно и иными подвигами. Разрыли могилу; но обрѣли только прахъ и тлѣніе... Опытъ не удался, и пришлось съ бо́льшимъ усердіемъ приступить къ исполненію замысла о перенесеніи самого Амвросія въ Бѣлую Криницу.

Кому же поручить это щекотливое дѣло? Вспомнили конечно неудержимо-смѣлаго инока Алимпія, который и при жизни Амвросія не разъ дѣлалъ попытки — выхлопотать ему у австрійскаго правительства дозволеніе — возвратиться на свою каѳедру въ Бѣлокриницкій монастырь (каковымъ попыткамъ самъ Амвросій вовсе не сочувствовалъ и даже противодѣйствовалъ), — теперь Алимпій былъ бы дорогимъ, нужнымъ человѣкомъ. Но Алимпія нѣтъ уже на свѣтѣ. Кѣмъ замѣнить его? Кѣмъ же, какъ не знаменитымъ сподвижникомъ Швецова, другомъ Брилліантова и Мельниковыхъ — лжепопомъ Димитріемъ Смирновымъ, умѣвшимъ даже похитить документы Швецова изъ Черниговской Консисторіи, многократно отличавшимся особенной дерзостью и на судахъ и на публичныхъ бесѣдахъ, недавно ѣздившимъ на Кавказъ вмѣстѣ съ Мельниковымъ для изслѣдованій о мнимыхъ мощахъ? Ему, дѣйствительно, и поручили хлопотать за границей о дозволеніи перевезти прахъ Амвросія въ Бѣлую Криницу, каковое порученіе онъ принялъ, разумѣется, съ величайшей готовностью. Осенью онъ отправился изъ Москвы. Въ Одессѣ выправилъ себѣ заграничный паспортъ (на чье имя, — не извѣстно),— и прибылъ съ нимъ благополучно въ Бѣлую Криницу, повидавшись предварительно съ другомъ своимъ — бѣглецомъ Мельниковымъ, котораго вѣроятно снабдилъ новыми матеріалами для его лживаго „Слова Правды“. Въ Бѣлой Криницѣ Смирнову предстояло условиться съ кѣмъ слѣдуетъ относительно плана, какъ вести у австрійскаго правительства дѣло объ Амвросіи, и прежде всего нужно было убѣдить самого лжемитрополита Аѳанасія, монастырское братство и главныхъ лицъ липованской громады, чтобы начали это дѣло отъ себя. Къ немалому его огорченію, Аѳанасій довольно равнодушно отнесся къ переданному имъ предложенію московскихъ старообрядцевъ; но, изъ опасенія потерять ихъ милости, не рѣшился отвѣчать и полнымъ отказомъ: условились, что отъ бѣлокриницкаго Братства будетъ подано австрійскому прави-

тельству прошеніе, для составленія котораго необходимо собрать точныя біографическія свѣдѣнія объ Амвросіи, равно какъ имѣть точную справку о мѣстѣ его погребенія. За неимѣніемъ подлинныхъ оффиціальныхъ бумагъ объ Амвросіи (ибо архивъ, гдѣ онѣ хранятся, находится у пишущаго эти строки), составленіе просьбы встрѣтило затрудненія; а за справкой о времени и мѣстѣ погребенія Амвросіева рѣшили обратиться въ Тріестъ. Смирновъ почему-то не нашелъ удобнымъ дожидаться ни справки, ни составленія просьбы, а поручивъ все это Аѳанасію съ братіей, самъ уѣхалъ въ Россію. Онъ пробылъ въ Бѣлой Криницѣ всего восемь дней.

По отъѣздѣ Смирнова послано было въ Тріестъ, въ настоятельство тамошней православной „греко-восточной“ церкви св. Николая, прошеніе о сообщеніи справки относительно времени и мѣста погребенія митрополита Амвросія[1]). Отъ 15 (3) января не замедлилъ послѣдовать изъ Тріеста, отъ Communita greco-orientale, за № 4462, слѣдующій отвѣтъ: Auf Verlangen des Gemeinde-Amtes von Fontina Alba wird hiermit bestatigt, dass der am 11-ten Nowember 1863 im Cilli gestorbene Metropolit Ambrosius Popovich am 17-ten desselben Monates und Jares in unserem Friedhafe beerdigt wurde. Comitata greco-orientale. Т.-е.: „По требованію общественнаго правленія Бѣлой Криницы симъ удостовѣряется, что умершій 11 ноября 1863 въ Цилли митрополитъ Амвросій Поповичъ 17 ноября того же мѣсяца и года похороненъ на нашемъ кладбищѣ. Общество греко-восточное“ (слѣдуютъ подписи). Получивъ такую точную справку, что Амвросій похороненъ именно на „греко-восточномъ“, православномъ кладбищѣ, и когда именно, лица, которымъ Смирновъ поручилъ вести дѣло, приступили къ составленію прошенія на имя австрійскаго

[1]) Любопытно, что адресъ, по которому отправлено было это прошеніе, заимствовали изъ упомянутой выше книжки о. Филарета. Нынѣшнія бѣлокриницкія власти такъ мало интересуются Амвросіемъ, что даже не знаютъ точно и мѣста его погребенія.

правительства; но въ концѣ января прошеніе не только еще не было отправлено, а не было и составлено въ окончательномъ видѣ: составитель, должно быть, не особенно опытенъ въ сихъ дѣлахъ, а владыка-Аѳанасій, мало сочувствующій московской затѣѣ, не торопитъ его. Между тѣмъ московскіе затѣйщики все ожидаютъ, чѣмъ кончится дѣло, и питаютъ надежду, что кончится благополучно, т.-е. что австрійское правительство не найдетъ никакихъ препятствій къ перенесенію праха Амвросія въ Бѣлую Криницу. Тогда, по первому извѣстію, Смирновъ полетитъ опять за границу, чтобы руководить перенесеніемъ Амвросіева праха, а можетъ быть отправится и цѣлая депутація московскихъ раскольниковъ австрійскаго согласія, чтобы участвовать въ такомъ необыкновенномъ для раскола торжествѣ. Мы полагаемъ однако, что ихъ ожиданія не оправдаются. Не такое теперь время, какъ было при учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи, когда Австрія старалась дѣлать все, что̀ можетъ, чтобы вредить Россіи. Теперь она очень и очень подумаетъ о томъ, не причинитъ ли непріятности русскому правительству, если дозволитъ перенести въ раскольническій монастырь Амвросія, по его именно требованію удаленнаго оттуда въ ссылку; да и русскіе агенты въ Австріи будутъ конечно не такъ неосмотрительны и слѣпы, какъ были пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда на ихъ глазахъ Павелъ и Алимпій, Дворачекъ и Коловратъ и разные эрцгерцоги устроили дѣло, причинившее Россіи столько зла. Во всякомъ случаѣ, настоящая раскольническая затѣя для насъ интересна только тѣмъ, до какихъ дерзкихъ замысловъ и предпріятій доходятъ наши московскіе старообрядцы „пріемлющіе священство“, какъ благосклонно называютъ ихъ наши правительственные радѣтели раскола...

Теперь о другомъ.

Въ послѣднихъ числахъ минувшаго января всѣ заняты были болѣе или менѣе производившеюся тогда всеобщей переписью. Насъ она интересовала, какъ вѣрный способъ

опредѣлить настоящее количество существующихъ на Руси раскольниковъ разныхъ сектъ, если только они записаны будутъ добросовѣстно; а вмѣстѣ внушала и опасеніе, какъ бы раскольническіе именуемые епископы и попы не оказались въ переписи подъ именемъ дѣйствительныхъ епископовъ и поповъ, что̀ послужило бы для нихъ поводомъ и основаніемъ считать себя законно имѣющими право на такое наименованіе, хотя и столь льготный для раскольниковъ майскій законъ 1883 г. рѣшительно говоритъ, что они извѣстны правительству только въ тѣхъ званіяхъ, къ какимъ приписаны, т.-е. крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, а отнюдь не въ духовномъ званіи. Въ этомъ опасеніи, которое поддерживалось слухомъ, что раскольники дѣйствительно разсчитываютъ воспользоваться переписью для этой цѣли, мы однако успокоены были нѣкоторыми, повидимому свѣдущими, людьми, увѣрявшими насъ, что есть точно выраженное правило, чтобы раскольническіе мнимые епископы и попы отнюдь не были заносимы въ перепись подъ этими именами. Существовало ли такое правило въ инструкціяхъ, полученныхъ счетчиками, мы доселѣ узнать не могли; но „переписной листъ“, полученный нами, какъ и всѣми обывателями, привелъ насъ въ большія недоумѣнія, чтобы не сказать болѣе. Немедленно, подъ первымъ же впечатлѣніемъ, мы изложили ихъ въ небольшой статьѣ, которую послали для напечатанія въ одну газету, гдѣ, при прежней редакціи, охотно печатались наши подобнаго рода замѣтки. Статья не напечатана доселѣ. Но такъ какъ и доселѣ наши недоумѣнія остаются не устраненными, то считаемъ не излишнимъ воспроизвести здѣсь, что̀ писали мы въ упомянутой статьѣ.

Правила, напечатанныя на послѣдней страницѣ „переписныхъ листовъ“, объясняютъ, какъ въ 11-ю графу, озаглавленную „Вѣроисповѣданіе“, сокращенно (начальными буквами) должны вписываться лица православной *вѣры, единовѣрческой,* римско-католической, лютеранской, протестантской, армяно-грегоріанской, іудейской, магометан-

ской, буддійской, шаманской „*и т. д.*“ Спрашивается: какую это *единовѣрческую,* отличную отъ православной, *вѣру* отыскали на Руси гг. составители сихъ правилъ? Всякій, имѣющій понятіе о единовѣріи, знаетъ, что „единовѣрческой вѣры“ у насъ не существуетъ, что *единовѣріе* есть *единая* съ православіемъ *вѣра* и отличается отъ православія только нѣкоторыми, православною же церковію разрѣшенными къ употребленію, обрядами, но отнюдь не вѣрою. Зачѣмъ же „первая всеобщая перепись“ хочетъ ввести у насъ и какъ бы узаконить какую-то „единовѣрческую вѣру“ и требуетъ, чтобы единовѣрцы писали о себѣ въ 11-й графѣ, что они„ единовѣрческой вѣры“, тогда какъ имъ слѣдуетъ писать: „вѣры православной; по единовѣрческому обряду“ (что и слѣдовало объяснить въ правилѣ)? Теперь же, требованіемъ отъ единовѣрцевъ, чтобы они „заполняли“ 11-ю графу отмѣткою, что принадлежатъ къ „единовѣрческой вѣрѣ“, не только имъ наносится оскорбленіе, но и вносится смута въ понятія объ отношеніяхъ между православіемъ и единовѣріемъ, какъ будто составляющими двѣ особыя „вѣры“,— понятія и безъ того для весьма многихъ недостаточно ясныя, чего отъ правительственнаго акта такой важности, какъ „первая всеобщая перепись“, нельзя было ожидать.

А между тѣмъ, выдумавъ небывалую „единовѣрческую вѣру“ и перечисливъ затѣмъ разныя неправославныя и нехристіанскія вѣры, отъ римско-католической до шаманской включительно, составители правилъ совсѣмъ не упомянули объ нашихъ раскольникахъ, или именуемыхъ старообрядцахъ разныхъ сектъ и согласій. Надобно полагать, что старообрядцы разумѣются подъ этимъ краснорѣчивымъ *и т. д.*, хотя имѣть ихъ въ виду *дамъе* магометанъ и буддійцевъ, кажется, не совсѣмъ удобно, а для нихъ и обидно. Во всякомъ случаѣ неупоминаніе въ правилѣ о раскольникахъ, или старообрядцахъ и отсутствіе указанія, какъ имъ кратко отмѣчать о себѣ въ 11 графѣ, есть пропускъ чрезвычайно важный, могущій имѣть послѣдствія весьма

нежелательныя для православной церкви и православной Россіи. Кто не знаетъ, что раскольническихъ сектъ великое множество, и кто не знаетъ, въ какой враждѣ они находятся между собой? Есть поповцы, разбившіеся на нѣсколько сектъ (бѣгдопоповцы, часовенные, австрійскіе, раздѣлившіеся на окружниковъ и противуокружниковъ), есть безпоповцы, разбившіеся еще на бо́льшее количество сектъ (поморцы, ѳедосѣевцы, нѣтовцы, странники и проч. и проч.), есть много духоборческихъ и раціоналистическихъ сектъ. Какъ будутъ писать (или, теперь уже, какъ писали) о себѣ въ 11 графѣ всѣ эти раскольники разныхъ сектъ, не имѣя въ правилахъ точнаго указанія, какъ именно писать? Не будутъ ли они писать (и не писали ли), какъ любятъ говорить каждый о себѣ: „вѣры христіанской“ (извѣстно, что всѣхъ не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ, они не считаютъ „христіанами“), или: „древлеправославной вѣры“? Кто ихъ будетъ контролировать (или контролировалъ)? и какъ доказать имъ, что особой „древлеправославной“ вѣры нѣтъ, когда сами составители правилъ выдумали какую-то „единовѣрческую вѣру“? Итакъ, отсутствіе въ правилахъ точнаго указанія, какъ раскольники разныхъ сектъ должны (были) „заполнять“ 11-ю графу „переписного листа“, открывало имъ возможность ограничится названіемъ: „христіанинъ“, „древлеправославной вѣры“, или (для добросовѣстнѣйшихъ) „старообрядецъ“. И окажется, по переписи, что раскольниковъ разныхъ сектъ у насъ или вовсе нѣтъ, или очень немного,—во всякомъ случаѣ дѣйствительное количество ихъ не обозначится. А между тѣмъ отъ всеобщей переписи“ (повторяемъ) можно было ожидать именно точнаго опредѣленія не только общей цифры раскольниковъ, но и въ частности указанія ихъ количества по отдѣльнымъ сектамъ. У насъ какъ извѣстно, говорятъ, что свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ, сообщаемыя православнымъ духовенствомъ (которому однако всего ближе знать его), не вѣрны, что духовенство до крайности уменьшаетъ ихъ количество;

извѣстно съ другой стороны, что сами раскольники, въ понятныхъ цѣляхъ, до крайности увеличиваютъ это количество, что и сами правительственныя лица, съ легкой руки г. Мельникова, насчитываютъ раскольниковъ до 15 милліоновъ. Гдѣ же правда? Каково дѣйствительное число нашихъ раскольниковъ? Отвѣта на этотъ важный вопросъ можно бы и слѣдовало бы ожидать отъ „всеобщей переписи“. А теперь, при отсутствіи точнаго указанія, какъ раскольники должны заполнять 11-ю графу „переписного листа“, такого отвѣта мы не получимъ и одна изъ важныхъ цѣлей переписи (если только она имѣлась въ виду) не будетъ достигнута.

Еще важнѣе умолчаніе о раскольникахъ въ правилѣ о „заполненіи“ 6 и 14 графъ. Въ 6-й, гдѣ вписываются „сословіе, состояніе или званіе“ и дозволяется писать сокращенно: „дворянинъ, чиновникъ, духовнаго званія“ и проч. раскольническій лжеепископъ и лжесвященникъ, отмѣтивъ себя въ 11 графѣ исповѣдающимъ „древлеправославную“ или „старообрядческую“ вѣру, здѣсь „сокращенно“ отмѣтитъ „духовнаго званія“; а въ графѣ 14-й, гдѣ „церковно- и священно-служители (не правильнѣе ли: священно и церковно-служители?) прописываютъ занимаемую ими должность“, тотъ же раскольническій лжеепископъ и лжесвященникъ прямо назовутъ себя епископомъ и священникомъ, такъ какъ въ правилѣ нѣтъ никакого относительно такихъ лицъ указанія. Это будетъ съ ихъ стороны прямымъ нарушеніемъ майскаго закона 1863 г. Но какой счетчикъ укажетъ имъ это нарушеніе и потребуетъ иной записи, правильной, соотвѣтствующей дѣйствительному ихъ положенію, когда о томъ нѣтъ точнаго указанія въ самыхъ правилахъ, которыми долженъ руководиться „заполняющій“ графы? И войдутъ такимъ образомъ (или вошли уже) въ „первую всеобщую перепись“ „древлеправославные“ или „старообрядческіе“ епископы и священники, что̀ сами они будутъ не безъ основанія считать оффиціальнымъ признаніемъ ихъ таковыми самимъ правительствомъ. Нужно ли гово-

рить, какимъ это будетъ оскорбленіемъ для православной церкви и сколько причинитъ ей вреда? сколько возникнетъ отсюда затрудненій и разныхъ недоразумѣній для самого правительства въ дѣлахъ о расколѣ? А между тѣмъ, казалось бы, не трудно было избѣжать всего этого, сдѣлавъ точныя указанія въ правилахъ, какъ раскольники разныхъ сектъ должны отвѣчать на поставленные въ „переписныхъ листахъ“ вопросы...

Справедливы ли указанныя опасенія наши, покажетъ время. И дай Богъ, чтобы они оказались несправедливыми.

3. Соборы у раскольниковъ. — Нѣчто о раскольническомъ «Словѣ Правды». — Заботы издателей раскольнической газеты о наибольшемъ ея распространеніи. — Пособники ея распространенію. — Религіозность интеллигентовъ раскола.

Въ февралѣ мѣсяцѣ распространились слухи о созваніи въ Москвѣ у раскольниковъ большаго собора, — были назначены и время и мѣсто для открытія соборныхъ засѣданій; но почему-то соборъ не состоялся. Вообще, при нынѣшнемъ своемъ владыкѣ — Савватіи раскольники австрійскаго согласія не очень заботятся о предписанномъ церковными правилами составленіи, хотя бы единою въ лѣто, соборовъ для совѣщанія о „церковно-іерархическихъ“ дѣлахъ, что̀ прежде, при Антоніи, соблюдалось довольно строго и чѣмъ старообрядцы кочились предъ православными, выставляя себя и здѣсь болѣе ихъ строгими блюстителями церковныхъ каноновъ. Почему же теперь охладѣла у нихъ эта ревность о соблюденіи каноновъ?

Въ Москвѣ собора у раскольниковъ не состоялось; зато были недавно соборы у раскольниковъ другихъ мѣстъ, и притомъ у противуокружниковъ и безпоповцевъ, которые такимъ образомъ явились болѣе ревнующими о соблюденіи каноновъ, нежели именуемые окружники. Разу-

мѣется, это были, какъ всегда бываетъ у раскольниковъ, апродіи на соборъ,— были только, подъ именемъ соборовъ, сходки для взаимной брани и для разныхъ безобразій. Передадимъ, что̀ намъ сообщаютъ объ нихъ.

Нашимъ читателямъ извѣстно уже, что въ стародубскихъ слободахъ у противуокружниковъ партіи Іова явился новый лжеепископъ — Михаилъ (крестьянинъ села Алтасова, Нижегород. губ.), тотъ самый, что къ великому прискорбію Сильвестра, Мельникова, Гусева и прочихъ окружниковъ, перевелъ въ свое согласіе бѣглопоповцевъ Лужковскаго толка, о пріобрѣтеніи которыхъ тѣ хлопотали такъ долго и усердно. Лужковцевъ Михаилъ принялъ третьимъ чиномъ вопреки господствующему у противуокружниковъ правилу — принимать таковыхъ по второму чину, чрезъ муропомазаніе, и поставилъ для своей новой лужковской паствы попа, Михаила же по имени. Живетъ этотъ новый противуокружническій владыка, къ досадѣ Сильвестра, вообще привольно въ своемъ монастырѣ, верстахъ въ десяти отъ Воронка, среди лѣсовъ, и пріобрѣтаетъ себѣ не мало послѣдователей. Такъ, перешелъ къ нему и противуокружническій, партіи Іосифа, попъ Михаилъ Гусляковъ, живущій въ Воронкѣ. Воронковскіе противуокружники - іосифцы вознегодовали за это и на попа и на „владыку“ — Михаила, равно какъ и за то, что послѣдній принялъ лужковцевъ по второму чину, — они-то и задумали составить соборъ для суда надъ тѣмъ и другимъ. Оказалось, что у нихъ, т.-е. у противуокружниковъ Іосифовской партіи, тоже есть новый лжеепископъ (какое теперь множество ихъ въ расколѣ!), нѣкій Петръ, проживающій въ Бендерахъ при какой-то раскольнической часовнѣ: къ нему и обратились воронковскіе противуокружники съ жалобой на Михаила и на Гуслякова. Противъ послѣдняго они выставили слѣдующіе обвинительные пункты: а) онъ, Гусляковъ, служитъ, находясь много лѣтъ подъ запрещеніемъ отъ Тарасія (давній противуокружническій лжеепископъ); б) вмѣстѣ съ своей женой воспринималъ при крещеніи

младенца; в) молился за умершихъ отъ пьянства; г) служитъ одну обѣдню, а беретъ за обѣдню отъ многихъ, такъ что получаетъ отъ одной обѣдни доходу до 30 руб., а съ дьякономъ и уставщикомъ дѣлится скупо; д) одного младенца не креститъ, а дожидается, дней по десяти, пока накопится ихъ больше (въ приходѣ у него тысячи двѣ душъ); е) бѣглопоповцевъ принимаетъ третьимъ чиномъ. Относительно этого послѣдняго пункта просители прибавляли, что жаловались на Гуслякова за такое безчиніе Михаилу, но тотъ не обращаетъ на жалобы никакого вниманія и всѣ проступки Гуслякова прощаетъ. Жаловались Петру воронковскіе противуокружники и на другого своего попа — Антипія, что онъ, вмѣсто запасныхъ даровъ, пріобщалъ больного просфорой со святой водой. По поводу этихъ жалобъ Петръ самолично прибылъ въ Воронокъ 8 февраля. 9-го служилъ торжественно въ моленной Антипія: по пути въ моленную женщины подстилали ему холсты своего издѣлія и провожали съ пѣніемъ. У Антипія Петръ былъ въ домѣ и скоро простилъ его за вину, указанную въ жалобѣ его прихожанъ, а этимъ послѣднимъ даже сказалъ, что если не примирятся съ Антипіемъ, то возьметъ его у нихъ. Предстояло теперь произвести соборный судъ надъ Гусляковымъ и Михаиломъ. Были разосланы лжепопамъ и мірянамъ письменныя приглашенія явиться на соборъ 11 февраля, въ 6 часовъ вечера, въ домъ Г. П. Волкова, — въ глухомъ уголкѣ посада, подальше отъ „никоніанъ“. Собралось не мало лжепоповъ и мірянъ разныхъ толковъ, — одни окружники не были допущены. Явились именно Антипій со всѣмъ своимъ причтомъ, Гусляковъ со своимъ дьякономъ, уставщикомъ Андреемъ и съ сыномъ Ѳедоромъ, — молодымъ человѣкомъ, бойкимъ и довольно начитаннымъ, Ерастъ Корталаповъ, котораго прочатъ въ попы на мѣсто Гуслякова, изъ бѣглопоповцевъ наставникъ Михаилъ Гребенниковъ, Аѳанасій Стуловскій и много другихъ. Гусляковъ съ сыномъ подъ благословеніе къ Петру не пошли, а только поклонились. От-

крывши свой соборъ, „владыка“ Петръ сталъ по тетрадкѣ нескладно читать нескладную рѣчь, въ которой Гуслякова обвинялъ за то, что нарушилъ свое священническое обѣщаніе находиться у него, Петра, въ подчиненіи, — обѣщаніе, которое далъ будучи у него въ Бендерахъ, — забывъ это обѣщаніе, ушелъ къ Михаилу, который и самъ подлежитъ суду, который недостоинъ называться и епископомъ. Тутъ „владыка“ Петръ прерванъ былъ сыномъ Гуслякова — Ѳедоромъ, который спросилъ его: чѣмъ онъ, владыка Петръ, докажетъ, что отецъ давалъ обѣщаніе быть подъ его паствой, — когда это было и при какихъ свидѣтеляхъ? Петръ смѣшался и могъ только сказать, что свидѣтели въ Бендерахъ. А самъ Гусляковъ возразилъ: ужъ не тогда ли я давалъ тебѣ обѣщаніе, когда мы вмѣстѣ пьянствовали въ Бендерахъ! Это вызвало веселый смѣхъ раскольническаго собора. А Ѳедоръ Гусляковъ началъ весьма бойко доказывать, что на отца неправду взводитъ владыка Петръ, — при чемъ наговорилъ много такого, что сей жалкій „владыка“ совсѣмъ растерялся, и не только не обвинялъ уже своего собрата Михаила и попа Гуслякова, а помышлялъ лишь о томъ, какъ бы самому выпутаться изъ бѣды. Онъ обратился къ уставщику Гуслякова: „Андрей, хоть ты подчинись мнѣ!“ Но Андрей только усмѣхнулся. Ерастъ Корталаповъ сидѣлъ, не проронивъ ни слова и лишь качалъ головой. А Стуловскій, удивляясь всему, что̀ слышалъ и видѣлъ, произнесъ вслухъ: „Господи! Зачѣмъ мы собрались сюда? — и сами не знаемъ“! Въ довершеніе всего одинъ изъ присутствовавшихъ, Никифоръ Косатенко, подалъ Петру письмо, составленное раскольниками, гдѣ этотъ раскольническій пастырь самъ обличается въ разныхъ нехорошихъ дѣлахъ. По этому случаю поднялся на соборѣ шумъ, — поспорили, побранились и наконецъ разошлись. Петръ поспѣшилъ уѣхать изъ Воронка. Таковъ новый, бывшій у поповцевъ, соборъ: его стыдятся сами старообрядцы, и о немъ не стоило бы говорить, если бъ онъ не представлялъ такой яркой иллюстраціи нравовъ и порядковъ,

господствующихъ въ расколѣ, и не показывалъ бы со всею ясностію — каковы раскольническіе пастыри, именуемые епископы и попы, и каковы ихъ взаимныя отношенія. Безчиніе и самоволіе господствуютъ повсюду въ раскольнической австрійской іерархіи.

Иного характера былъ соборъ у безпоповцевъ, именно у нижегородскихъ поморцевъ. Въ Семеновскомъ уѣздѣ есть село Боръ, изобилующее раскольниками этого толка. Главари борскихъ поморцевъ, недовольные тѣмъ, что многіе изъ нихъ „мірщатъ“, т.-е. входятъ въ общеніе съ міромъ въ ястіи и питіи, начали требовать, чтобы этого общенія отселѣ уже отнюдь не было, и чтобы всѣ больше постились и молились, женщины ходили бы въ моленную только въ сарафанахъ, а отнюдь не въ платьяхъ, и повязывались бы платкомъ въ кромку. Словомъ, они настаивали на строгомъ соблюденіи издавна уставленныхъ въ согласіи правилъ, которыя многими уже не соблюдались. Эти несоблюдающіе, особенно люди, ведущіе торговыя дѣла, не находили возможнымъ сохранять полное отчужденіе отъ міра. На ихъ сторону сталъ и наставникъ поморскій И. А. Одинаковъ. Тогда ревнители строгихъ поморскихъ нравовъ отдѣлились отъ этихъ, слабо живущихъ, дозволяющихъ себѣ „замірщеніе“: они избрали себѣ новаго наставника, нѣкоего Димитрія Карлина. Этому послѣднему возникшее раздѣленіе въ обществѣ борскихъ поморцевъ однако очень не нравилось, и хотѣлось, напротивъ, соединить всѣхъ поморцевъ подъ своимъ наставничествомъ. Онъ-то и задумалъ съ этою цѣлью составить соборъ изъ окрестныхъ болѣе видныхъ представителей поморскаго согласія. 3 марта въ деревнѣ Ушаковѣ собрались поморскіе думные люди не только изъ Семеновскаго, но и изъ Горбатовскаго и Нижегородскаго уѣздовъ. Предсѣдательствовалъ на соборѣ городецкій поморецъ Григорій Евдокимовъ. Начетчики, знатоки поморскихъ писаній, требовали полнаго разообщенія съ міромъ, т.-е. какъ съ никоніанами, такъ и старообрядцами другихъ толковъ. Го-

рячимъ защитникомъ противнаго мнѣнія выступилъ крестьянинъ села Чмутова А. Корочкинъ, человѣкъ дурной репутаціи, за мошенничество сидѣвшій въ острогѣ, — онъ доказывалъ, что требованіе поморскихъ ревнителей не исполнимо, что если принять его, то нужно будетъ для поморцевъ создать другую вселенную. Были горячіе споры. Голосъ ревнителей превозмогъ; но согласіе не было достигнуто. Итакъ, соборъ успѣха не имѣлъ, и не обошлось на немъ безъ обычныхъ въ расколѣ пререканій; по крайней мѣрѣ онъ имѣлъ серіозный съ раскольнической точки зрѣнія характеръ, касался основнаго пункта въ поморскомъ ученіи и напоминалъ старые раскольническіе соборы, тогда какъ у поповцевъ австрійскаго согласія соборы состоятъ изъ однихъ безобразій.

Да и все, что̀ творится у австрійскихъ старообрядцевъ, начиная съ подвиговъ ихъ литераторовъ и интеллигентовъ, одно безобразіе и сплошная фальшь. Вотъ мы получили наконецъ послѣдніе два нумера ихъ заграничной газеты. Что это такое? Одна сплошная ложь и брань на православную церковь, особенно на миссіонеровъ и особенно на насъ лично, такъ какъ по всему видно, что наша посильная дѣятельность противъ раскола особенно не по душѣ раскольникамъ-австрійцамъ и особенно тревожитъ ихъ[1]). Разбирать и опровергать всю эту ложь и

---

[1]) Не оставилъ Мельниковъ безъ замѣчанія, весьма краткаго, и сказанное нами въ 8-й гл. прошлогодней Лѣтописи по поводу взведенной имъ на насъ гнусной клеветы. Среди всякой брани онъ объявляетъ: „Если мы пропечатали, что онъ близкій родственникъ анархисту Рысакову, то лишь изъ уваженія (!) тому лицу (сослуживцу по академіи?), которое насъ о томъ извѣстило. *Поименовать это лицо мы не рѣшаемся по той простой причинѣ, что признаемъ Субботина человѣкомъ способнымъ и всегда готовымъ сдѣлать зло*“ (?). Какъ и всякій порядочный, дорожащій своею честію человѣкъ, я несомнѣнно сдѣлалъ бы то, что̀ Мельникову угодно называть здѣсь „зломъ“, т.-е. привлекъ бы къ суду негодяя (если такой дѣйствительно имѣется), сообщившаго ему гнусную клевету обо мнѣ. Онъ упорствуетъ назвать по имени этого негодяя: тѣмъ прискорбнѣе, что даже тѣ двое изъ

безполезно и омерзительно. Для образца приведемъ одинъ только примѣръ. Нашимъ читателямъ извѣстно, что измаильскіе изувѣры-раскольники сожгли новую, только что освященную для единовѣрцевъ церковь и что негодяй-раскольникъ, сдѣлавшій поджогъ, немедленно убѣжалъ за границу, подъ покровъ бѣглеца Мельникова. А вотъ послушайте, что̀ этотъ Мельниковъ пишетъ въ своей газетѣ объ этомъ пожарѣ: „2 окт. Аккерманскій архіерей торжественно *освятилъ* единовѣрческую церковь... Но вотъ 7 окт. *попущеніемъ Божіимъ*, освященная церковь среди дня загорѣлась и *огненные языки Божія гне(ѣ)ва* истребили до основанія *домъ соблазна и преткновенія*[1]). Ни вода, ни пожарная команда, ни большія усилія не могли преодолѣть посланнаго наказанія. *Богъ благоизволилъ уничтожить* и самые колокола, коими призывались жители Измаила *на мѣсто сборища* совратившихся людей. Всѣмъ понятно явное наказаніе Божіе“... Итакъ, поджигатели, уничтожившіе храмъ Божій, выставляютъ себя въ этомъ преступнѣйшемъ дѣлѣ орудіями гнѣва Божія!... Можно ли съ такими людьми и о такихъ людяхъ говоритъ съ надеждою образумить ихъ? Остается развѣ сообщать иногда читателямъ объ ихъ изъ ряда выходящихъ лжахъ и дерзостяхъ. На сей разъ мы сообщимъ, только, какія мѣры принимаются издателями „Слова Правды“ для бо́льшаго распространенія этой зловредной газеты по Россіи, къ какимъ безсовѣстнымъ уловкамъ прибѣгаютъ эти „лучшіе, вѣрноподданнѣйшіе“ изъ русскихъ людей, впрочемъ бѣжавшіе изъ любезнаго отечества за границу, чтобы провести и обмануть русское правительство.

монхъ бывшихъ сослуживцевъ по академіи, на которыхъ всего яснѣе падало указаніе Мельникова, какъ на виновниковъ клеветы, не соизволили снять съ себя подозрѣніе въ такомъ безчестномъ поступкѣ Жаль; а приходится взять назадъ то, что̀ такъ довѣрчиво было мною сказано объ нихъ...

[1]) Храмъ Божій, который самъ же призналъ „освященнымъ“, Мельниковъ называетъ „домомъ соблазна и преткновенія“! Какое нечестіе!

Одинъ нашъ хорошій знакомый въ Саратовской губерніи, горячій ревнитель православія, но считающійся состоящимъ въ расколѣ, получилъ въ концѣ февраля опущенный гдѣ-то въ вагонъ желѣзной дороги пакетъ, адресованный на его имя. Въ пакетѣ оказались еще два, не заклеенные пакета, — одинъ съ печатнымъ адресомъ: „Денежный. Въ г. Браила (Румынія) г-ну Ѳеодору Ефимову со вложеніемъ... Domnului Theodor Efimov. Strada Zidavilor. Braila“, — другой съ написаннымъ адресомъ: „Заказное. Новозыбковъ Черн. губ. Василію Ефимовичу Мельникову“. При пакетахъ приложена слѣдующая записка: „Если вы желаете выписывать газету на свое имя, то адресъ не пишите, а сообщите лишь слѣдующій №[1]). Подъ этимъ № *записанъ* вашъ адресъ“. Кромѣ всего этого приложено напечатанное на желтомъ листкѣ довольно обширное объявленіе объ изданіи „Слова Правды“ въ 1897 г., въ которомъ объясняется эта непонятная присылка пакетовъ. Здѣсь, послѣ разглагольствій о пользѣ „печатнаго слова“ вообще и великой пользѣ раскольнической газеты въ частности, именно говорится:

„Заботясь о широкомъ распространеніи „Слова Правды“, мы просимъ всѣхъ сочувствующихъ сему изданію знакомить съ нашей газетой своихъ ближнихъ и знакомыхъ. При семъ для желающихъ выписывать „Слово Правды“ *прилагаются два конверта — одинъ для подписныхъ денегъ, въ который просимъ не вкладывать никакого письма, а другой для заказнаго письма, въ которомъ слѣдуетъ сообщать свои адреса, на кого высылать газету.* Желательно, чтобы въ одномъ конвертѣ сразу бы нѣсколько подписчиковъ отправляли подписныя деньги, — *это для большой предосторожности.* Просимъ будущихъ нашихъ кліентовъ (!) посылать намъ свои адреса, а также и подписныя деньги *изъ другаго города, т.-е. не съ того мѣста, гдѣ живутъ адресаты*, хотя газету будемъ высылать прямо на нихъ и въ

[1]) Поставлена и цифра нумера.

тотъ городъ, въ которомъ они пребываютъ, или куда укажутъ".

Затѣмъ объявляется, что газета (12 маленькихъ листочковъ) стоитъ въ годъ 5 р.; а „выписывающіе сразу 50 экземпляровъ по одному адресу" платятъ 3 р. 50 к. за экз.; выписывающіе 100 экз. платятъ 2 р. 50 к.

Итакъ, издатели заграничнаго печатнаго органа нашихъ старообрядцевъ, этихъ вѣрноподданнѣйшихъ русскихъ людей, организовали цѣлую хитрую систему, какъ провести русское правительство для безпрепятственнаго распространенія въ Россіи запрещенной, конечно, правительствомъ ихъ газеты. Покойный Герценъ, издававшій за границей свой „Колоколъ", и въ подметки имъ не годится. Въ печатномъ объявленіи еще не досказано того, что̀ значится въ полученной нашимъ саратовскимъ знакомымъ записочкѣ: оказывается, что редакція уже записала подъ извѣстными цифрами множество лицъ въ Россіи, какъ своихъ подписчиковъ на 1897 г., и имъ, для вящшей безопасности, слѣдуетъ только, какъ объясняется въ запискѣ, сообщить въ особомъ заказномъ пакетѣ свой № въ редакцію, не прописывая адреса, и газета будетъ доставляться. Любопытно, что, по силѣ правила „посылать адреса изъ другаго города", нашему знакомому рекомендуется послать свой № въ Новозыбковъ, Василью Мельникову, который и препроводитъ его уже въ редакцію. Видно, что сей достойный братецъ бѣглаго редактора есть главный каналъ, чрезъ который проводится подписка...

Но ужели, спросятъ, есть охотники пріобрѣтать такими незаконными путями раскольническую газету, особенно же „сразу" по 50 и по 100 экземпляровъ? А вотъ послушайте, что̀ намъ сообщено лицомъ, вполнѣ заслуживающимъ довѣрія. Близъ города Богородска существуетъ, какъ извѣстно, огромная Богородско-Глуховская мануфактура. Отъ хозяина сей мануфактуры, тоже достаточно извѣстнаго, А. И. Морозова, въ его богатой моленной, объявлено было

1 февраля служащимъ на фабрикѣ раскольникамъ, что если между ними окажется двадцать пять человѣкъ, желающихъ получить газету „Слово Правды“, то они будутъ получать ее не за 5 р. а за 3 р. 50 к. Тутъ же въ моленной 1 го и 2-го числа произошла подписка, — 25 человѣкъ набралось; а дня черезъ два г. Морозовъ уже роздалъ подписчикамъ два первые нумера газеты. Это значитъ, что сей знаменитый фабрикантъ-раскольникъ уже заранѣе подписался, по уменьшенной цѣнѣ, на 50 экз. газеты, — половину изъ нихъ сбылъ служащимъ у него на фабрикѣ, а другую удержалъ у себя для раздачи въ иныя мѣста и для собственнаго употребленія. Сообщившій намъ все это самъ читалъ новые выпуски „Слова Правды“ и пишетъ, что въ нихъ есть еще любопытное объявленіе, — объявляется именно, что для безопаснаго и обезпеченнаго доставленія газеты редакція заключила условіе съ какой-то нѣмецкой компаніей, которая будетъ направлять газету изъ Браила въ Берлинъ, оттуда въ Ригу, а изъ Риги она уже будетъ доставляться подписчикамъ. Умилительный союзъ раскольниковъ и нѣмцевъ для совокупнаго дѣйствованія во вредъ православной Руси! Но отъ разныхъ Мельниковъ чего же и ждать лучше? А вотъ эти г-да Морозовы, эти милліонеры-раскольники, поощряющіе преступную дѣятельность разныхъ Мельниковыхъ, являющіеся ихъ сообщниками, — они-то каковы? Мы всегда говорили и будемъ говорить, что въ нихъ вся сила раскола, что имъ стоило бы только погрозить пальцемъ разнымъ Мельниковымъ, Бриліантовымъ, Швецовымъ, чтобы навсегда прекратить преступную дѣятельность этихъ ругателей православной церкви. А они, эти милліонеры-раскольники, являются главными поощрителями Мельниковыхъ, участниками въ ихъ темныхъ дѣлахъ, какъ на этотъ разъ въ воровскомъ распространеніи заграничной газеты, изрыгающей брань и клеветы на православную церковь, православное правительство, православныхъ дѣятелей...[1]).

[1]) Кстати объ А. И. Морозовѣ. Уже по написаніи лѣтописи мы

Вообще, печальное явленіе представляютъ намъ эти интеллигенты раскола. Поощряя всякими способами своихъ газетчиковъ, поносящихъ православіе, публично отказываясь принимать присягу въ присутствіи православнаго епископа, даже лобызать предлагаемый имъ „восмиконечный“ крестъ, они показываютъ себя ревнителями старой вѣры, хранителями старообрядческихъ правилъ и уставовъ. А на самомъ дѣлѣ открыто же издѣваются надъ ними. Недавно былъ случай такого глумленія, обратившій вниманіе едва не всей Москвы. Тотъ самый интеллигентнѣйшій старообрядецъ, что отказался въ московской думѣ принять присягу при православномъ епископѣ, праздновалъ новоселье въ своемъ новопостроенномъ „средневѣковомъ замкѣ“. Уличныя газеты съ умиленіемъ описывали сказочную пышность этого праздника. Въ одной изъ нихъ, самой приличной, мы читали: „Залы морозовскаго дома производятъ сказочное впечатлѣніе... сегодняшній вечеръ заставитъ говорить о себѣ всю Москву... соберется вся столичная знать... приглашенныхъ до 1000 человѣкъ... надъ устройствомъ и убранствомъ буфета изощряются лучшіе кулинары; одно меню составлялось въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; сервировка стола не уступитъ королевской... развлеченія составлены чрезвычайно интересно“... Ну что же?— скажутъ,— почему не потѣшиться человѣку, для

получили извѣстіе, что онъ, съ супругою и дочерью, снова отправился за границу, въ свою митрополію Бѣлую Криницу, гдѣ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, строитъ каменную церковь (въ женскомъ скиту) и при его участіи идутъ хлопоты о „перевезеніи“ Амвросіева праха. Г-нъ Морозовъ поѣхалъ конечно затѣмъ, чтобы личнымъ присутствіемъ подвинуть эти предпріятія къ скорѣйшему окончанію Надобно полагать, что кромѣ своего „владыки-митрополита“ онъ посѣтитъ и своего великаго газетчика — бѣглеца Мельникова, отъ котораго получитъ и привезетъ въ Москву новый запасъ ругательныхъ на православную церковь и православное русское правительство произведеній его печатнаго станка. Надѣемся получить и сообщить читателямъ точныя извѣстія о новыхъ заграничныхъ подвигахъ г-на Морозова.

котораго пустяки бросить нѣсколько сотъ тысячъ рублей?— Конечно такъ; но вотъ въ чемъ дѣло: все это лукулловское празднество, всѣ эти сказочныя увеселенія происходили въ субботу подъ недѣлю блуднаго, когда въ храмахъ Божіихъ, и у православныхъ и у самихъ старообрядцевъ, за всенощнымъ бдѣніемъ пѣлись умилительные покаянные псалмы и пѣснопѣнія, — „На рѣкахъ вавилонскихъ (или: На рѣцѣ Вавилонстѣй), тамо сѣдохомъ и плакахомъ“... „Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче“... Какъ же было не соблазниться и православнымъ и истымъ старообрядцамъ, что интеллигентнѣйшій представитель старообрядчества не нашелъ болѣе удобнаго времени для своего празднества, на которомъ, конечно, и присутствовали по преимуществу члены старообрядческихъ интеллигентныхъ семействъ? И невольно возникаетъ вопросъ: какъ это мирятся въ душѣ такихъ интеллигентовъ, съ одной стороны столь горячая преданность мнимому старообрядчеству, что ради его они не стѣсняются покровительствовать преступнымъ продѣлкамъ разныхъ Мельниковыхъ и публично отказываться отъ цѣлованія осмиконечнаго креста въ присутствіи православнаго епископа, съ другой такое полное пренебреженіе къ нравственнымъ требованіямъ и уставамъ того же старообрядчества? Не легко разрѣшимая загадка эти г-да раскольническіе интеллигенты...

4. Новыя подпольныя изданія раскольниковъ.

Имѣя за границей вполнѣ достойный ихъ печатный органъ, издаваемый бѣжавшимъ изъ Россіи, скрывающимся отъ кары закона отчаяннымъ ручателемъ церкви, наши старообрядцы, живущіе въ любезномъ отечествѣ, подъ покровительствомъ его законовъ, еще и здѣсь, въ самомъ его средоточіи, благодаря снисходительности блюстителей его законовъ, беззаконно, но безпрепятственно, издаютъ едва не каждую недѣлю произведенія своихъ подпольныхъ станковъ, наполненныя такою же бранью и клеветой на православную церковь, какія, только съ большей наглостью, распространяетъ ихъ заграничная газета. Эта усиленная, небывалая и притомъ открытая литературная и издательская дѣятельность составляетъ характеристическое явленіе въ жизни раскольниковъ „конца вѣка“, и оставлять его безъ вниманія невозможно. Понявъ значеніе печатнаго слова и видя, что именно печатными изданіями, обличающими неправду раскола, нанесенъ этому послѣднему смертельный ударъ, они признали за лучшее дѣйствовать для поправленія своихъ обстоятельствъ тѣмъ же оружіемъ, но употребляя его не тѣмъ же прямымъ и честнымъ способомъ, какъ употребляютъ его православные, т.-е. не изслѣдуя спокойно и безпристрастно, на основаніи слова Божія и святоотеческихъ писаній, истину о пререкаемыхъ вопросахъ, а намѣренно изыскивая и придумывая, что̀ можно сказать въ защиту лжи, иными изъ нихъ самихъ даже ясно сознаваемой, — словомъ, употребивъ печать въ орудіе лжи и клеветы. Понятно, что законъ не можетъ дозволить печатанія такихъ лживыхъ и клеветническихъ произведеній, когда и самыя благонамѣреннѣйшія не изъяты изъ вѣдѣнія установленной закономъ цензуры: и вотъ наши вѣрно-подданные старообрядцы, презирая законъ, но смѣло разсчитывая на снисходитель-

ность, даже на покровительство извѣстныхъ блюстителей закона, печатаютъ свои произведенія на подпольныхъ типографскихъ станкахъ и гектографахъ. Центрами этой преступной ихъ дѣятельности служатъ Москва и Нижній,— два привилегированные мѣста, гдѣ расколъ подъ благосклоннымъ взоромъ власти свободно растетъ и ширится: въ Москвѣ главный дѣятель по этой части „Михаилъ Ивановичъ Брилліантовъ“ (какъ самъ онъ скромно назвалъ себя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, являясь косвенно подтверждающимъ напечатанное въ газетѣ извѣстіе о раскольническомъ замыслѣ перевезти прахъ Амвросія въ Бѣлую Криницу), а въ Нижнемъ — безводненскій обитатель Онисимъ Васильевичъ Швецовъ, именующійся священноинокъ Арсеній. Сколько выпустили они въ послѣднее время бранныхъ на церковь книгъ и тетрадокъ и сколько причинили вреда народу, коснѣющему въ расколѣ, и даже, вѣроятно, православнымъ, не твердымъ въ православіи, съ рѣдкимъ искусствомъ и настойчивостью распространяя эти книги и тетрадки, трудно и представить. О многихъ изъ этихъ изданій намъ приходилось уже упоминать; болѣе важныя подвергнуты и обстоятельному разбору въ „Братскомъ Словѣ“. Скажемъ теперь и еще о нѣкоторыхъ, изданныхъ въ недавнее время, такъ какъ они, повторяемъ, составляютъ теперь выдающееся явленіе въ расколѣ, самое главное, чѣмъ выражается его существованіе, на чемъ сосредоточена его дѣятельность, въ чемъ проявляется его характеръ, и особенно характеръ его отношеній къ православію. Такъ называемыя у старообрядцевъ „церковно-іерархическія дѣла“ ихъ отступили теперь на задній планъ, да и совсѣмъ затихли.

Прежде всего слѣдуетъ сказать о „Разборѣ отвѣтовъ на 105 вопросовъ“, которымъ издатели страшно кичатся, видя въ немъ послѣднее слово современной раскольнической мудрости, совершенное якобы пораженіе церкви и торжество раскола. Нашимъ читателямъ извѣстно, какъ пресловутые раскольническіе братчики, семь лѣтъ тому

назадъ, въ довольно торжественной обстановкѣ, на одной изъ тогдашнихъ таганскихъ бесѣдъ со старообрядцами, подали предсѣдательствовавшему на оныхъ преосвященному Виссаріону тетрадь со 105 вопросами для письменнаго ихъ рѣшенія. Подателямъ объявлено было, что на бесѣдахъ можетъ быть устное, совмѣстное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, а давать письменные на нихъ отвѣты собесѣдники не обязаны. Податели вопросовъ на устное ихъ рѣшеніе, при множествѣ свидѣтелей, что̀ для нихъ было весьма неудобно, не изъявили согласія; а между тѣмъ начали хвалиться, что православные признали себя не въ состояніи письменно отвѣтить на ихъ вопросы. Тогда. по совѣту и порученію покойнаго о. архимандрита Павла, занялся составленіемъ отвѣтовъ на 105 вопросовъ нашъ сотрудникъ Е. А. Антоновъ, чтобы показать старообрядцамъ, какъ не важны ихъ вопросы и какъ не трудно отвѣтить на нихъ. Отвѣты печатались въ *Братскомъ Словѣ* 1891 г. и вскорѣ изданы отдѣльною книгою, съ предисловіемъ, въ которомъ подробно изложены мною обстоятельства, вызвавшія ея появленіе. Въ отвѣтахъ было обстоятельно и весьма ясно доказано совопросникамъ, что если они признаютъ грекороссійскую церковь падшею, еретическою, почему и отдѣляются отъ нея, то должны были бы обличить ее въ нарушеніи догматовъ вѣры, въ уклоненіи отъ ученія слова Божія, соборнаго и святоотеческаго, а между тѣмъ въ своихъ вопросахъ не указываютъ (ибо и не могутъ указать) за церковію никакого нарушенія догматовъ вѣры, а ограничились указаніемъ не относящихся до сущности вѣры обрядовыхъ измѣненій (т.-е. исправленій), каковыя церковь всегда имѣетъ право дѣлать по благословнымъ винамъ. Книга Е. А. Антонова, напечатанная въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, получила не малую распространенность. Прочитавшіе ее не только православные, но даже безпристрастные изъ самихъ старообрядцевъ, ясно увидѣли, что вопросы, несмотря на всю ихъ многочисленность, совершенно ничтожны и что

„братчики“ хвастались ими совсѣмъ понапрасну. Для „братчиковъ“ это было весьма досадно и прискорбно, такъ какъ своимъ вопросамъ они придавали великую важность. Понятно, что они сгорали желаніемъ написать опроверженіе на отвѣты,—и вотъ спустя цѣлыхъ пять лѣтъ по изданіи отвѣтовъ явился дѣйствительно „разборъ“ ихъ. Задолго до его появленія „братчики“, по своему обычаю, хвалились уже, что готовятъ нѣчто необыкновенное, что „отвѣты“ Е. Антонова будутъ „разбиты въ пухъ и прахъ“ и „никоніяне“ будутъ поражены въ конецъ. Работали они надъ сочиненіемъ долго и много, соединенными силами. Авторомъ считается новый раскольническій писатель, живущій у Швецова, въ его безводненской академіи, выходецъ изъ черниговскихъ слободъ, надобно полагать однокашникъ и другъ Мельниковыхъ, нѣкій Иванъ Усовъ[1]), который и подписался подъ сочиненіемъ. Но несомнѣнно, что вдохновителемъ и постояннымъ руководителемъ его въ этомъ дѣлѣ былъ самъ Швецовъ, вліяніе котораго ясно просвѣчиваетъ во всемъ содержаніи книги. Затѣмъ къ участію въ дѣлѣ были привлечены, такъ сказать, лучшія литературныя силы раскола — Брилліантовъ и Механиковъ: къ этому послѣднему, теперь поповствующему въ Тулѣ, неоднократно ѣздилъ для совѣщанія и совокупнаго исправленія работы Усова самъ Швецовъ, а Брилліантовъ съ тою же цѣлію сдѣлалъ не одну поѣздку въ Безводное. Вліяніе Механикова замѣтно въ особенности на внѣшней обработкѣ сочиненія, которое отличается такою же бойкостью и „литературностью“ языка, какъ и извѣстная читателямъ книга Механикова. Впрочемъ, съ этой стороны могло быть сдѣлано пособіе и нѣкоторыми, продавшимися на службу расколу, нашими учеными и литераторами въ родѣ

---

[1]) Объ этомъ Усовѣ, впрочемъ, не разъ уже упоминалось въ *Брат. Сл.*, равно какъ и объ его сочиненіи; см. статьи: Положеніе раск. въ Нижегород. губ. (1896 г. т. II, стр. 590—591), и „Двѣ бесѣды съ новымъ защитникомъ раскола“ (1897 г. т. I, стр. 153 и слѣд.).

извѣстнаго ексъ-газетчика-грекофила. участіе этого послѣдняго даже очень примѣтно въ ругательствахъ на Святѣйшій Синодъ и въ злобныхъ выходкахъ противъ болгарской церкви. Итакъ, многолѣтнимъ трудомъ соединенныхъ лучшихъ раскольническихъ силъ создана книга: „Разборъ на 105 отвѣтовъ“, — книга очень большая по объему, — въ 500 листовъ (in 4^0) плотнаго, убористаго письма, оттиснутая на гектографѣ; продаютъ ее г-да издатели по 6 руб. за экземпляръ и выдаютъ, дѣйствительно, за „послѣднее слово“ своей науки. Но что же такое въ сущности это послѣднее ихъ слово? Что содержитъ въ себѣ эта тяжеловѣсная, убористая и дорого стоящая раскольническая книга? Приведемъ отзывъ объ ней лица, противъ котораго она лично направлена и которымъ поэтому она съ особеннымъ вниманіемъ прочитана. Вотъ какъ объ этой книгѣ отозвался намъ Е. А. Антоновъ:

„Въ предисловіи къ „Разбору“ моихъ отвѣтовъ, обозвавъ всѣ вообще полемическія книги православныхъ писателей противъ раскола „односторонними, рутинными, невѣжественными“, коихъ „память рано или поздно, а должна погибнуть съ шумомъ“, Усовъ говоритъ: „изъ числа такихъ книгъ мы избрали для разсмотрѣнія одну подъ названіемъ „Отвѣты на сто пять вопросовъ“, *какъ образцовую по своимъ ругательствамъ и оскорбленіямъ*, коими авторъ ея щедро осыпаетъ своихъ противниковъ, по обычаю новообрядческихъ апологетовъ. Въ ней кромѣ того *выставлены почти всѣ обвиненія старообрядческой церкви и іерархіи, какія только могли до сихъ поръ изобрѣсти наши противники*, употреблено все казуистическое искусство для оправданія согрѣшеній (?) новообрядческой церкви, собраны всѣ доказательства, на которыхъ зиждется вся современная новообрядческая полемика. И потому подвергнуть ее разбору будетъ далеко не безполезно для интересующихся церковными вопросами и особенно для занимающихся полемикой“. Въ этихъ немногихъ словахъ, характеризующихъ и всю книгу, сочинитель наговорилъ

уже много неправды. Никакихъ „ругательствъ и оскорбленій“, тѣмъ паче образцовыхъ, ни противъ моихъ противниковъ, ни противъ всей глаголемой церкви старообрядцевъ въ отвѣтахъ моихъ, всѣмъ доступныхъ для провѣрки, никто не найдетъ. Мною представлены только свидѣтельства слова Божія и святыхъ отецъ въ обличеніе несостоятельности именуемой церкви старообрядцевъ: такъ ужели можно назвать ихъ ругательствами и оскорбленіями? А вотъ самъ г. Усовъ, вѣрнѣе же цѣлая компанія старообрядцевъ и нестарообрядцевъ, въ своемъ „Разборѣ“ дѣйствительно произноситъ разныя ругательства и оскорбленія православной церкви, постоянно именуя ее церковію „никоніанскою“, содержащею „ереси разныхъ еретиковъ: латинянъ, протестановъ и люциферіанъ“, имѣющею даже „діавольскія предпріятія“, а единовѣрцевъ кощунственно называя „козлами“[1]). Найдутъ ли старообрядцы у меня, или у кого-либо изъ православныхъ писателей что-либо подобное этой брани? Напрасно также говорятъ сочинители „Разбора“, что будто бы въ моихъ отвѣтахъ выставлены всѣ обвиненія противъ старообрядческой церкви и іерархіи, какія только можно изобрѣсти. Въ моихъ отвѣтахъ, по мѣрѣ силъ, я старался только изобличить и изобличилъ несправедливость изложенныхъ самими братчиками въ ихъ 105 вопросахъ обвиненій на церковь и единовѣрцевъ, строго слѣдуя именно порядку ихъ вопросовъ, при чемъ, разумѣется, приходилось выставлять на видъ неправоту именуемой церкви старообрядцевъ и ихъ австрійской іерархіи. Нѣтъ, не потому Усовъ съ компаніей рѣшился подвергнуть разбору мои отвѣты, что якобы въ нихъ „собраны всѣ доказательства, на которыхъ зиждется вся современная новообрядческая полемика“, а потому, что они, какъ и сами ихъ вопросы, касаются почти

---

1) Это ругательство, надобно полагать, есть подлинное сочиненіе г. Усова, выходца изъ Черниговскихъ слободъ, ибо тамъ обыкновенно раскольники поносятъ единовѣрцевъ этой безсмысленной бранью.

однихъ обрядовыхъ преданій и клятвъ, положенныхъ соборомъ 1667 года на раскольниковъ, что̀ открываетъ имъ возможность съ нѣкоторымъ удобствомъ, хотя совсѣмъ недобросовѣстно, вести полемику съ православными; тогда какъ имъ крайне неудобно отвѣчать напр. на наши 13 вопросовъ, касающіеся существенныхъ свойствъ богосозданной церкви, ея іерархіи и таинствъ, каковыхъ церковь старообрядцевъ не имѣетъ. Въ новой книгѣ, изданной братчиками, есть и новые извѣты на православную церковь; но они служатъ обвиненіемъ не церкви, а самихъ старообрядцевъ, что̀ не трудно будетъ показать при подробномъ ея разсмотрѣніи, которое не откажусь сдѣлать, если только позволятъ время и силы".

Тѣмъ болѣе здѣсь, въ нашей Лѣтописи, не умѣстно входить въ разборъ раскольническаго „Разбора". Мы только обратили на него вниманіе читателей, какъ на самое выдающееся явленіе въ теперешней усиленной литературной дѣятельности раскольниковъ, какъ на самое крупное изъ послѣднихъ подпольныхъ изданій, которымъ они болѣе всего кичатся, которое даже рѣшили повторить за границей, подъ наблюденіемъ Мельникова.

Слѣдуетъ указать потомъ на цѣлую серію выпущенныхъ раскольниками сочиненій по поводу радостнаго событія въ православной церкви — открытія мощей святителя Ѳеодосія. Это ихъ обиліе ясно показываетъ, что новое видимое проявленіе благодати Божіей въ церкви россійской произвело сильное впечатлѣніе среди старообрядцевъ, которое ожесточенные ревнители раскола и стараются всячески ослабить. Чего только не придумываютъ они съ этою цѣлію, нимало не стѣсняясь даже противорѣчіями своихъ собственныхъ измышленій? — то проповѣдуютъ, что мощи подложныя и что чудесъ отъ нихъ вовсе не было, то утверждаютъ, что нетлѣніе и чудеса не служатъ еще признакомъ святости умершаго человѣка и церкви, къ которой онъ принадлежалъ, то допускаютъ что святитель Ѳеодосій дѣйствительно почиваетъ нетлѣнно и чудодѣй-

ствуетъ, но потому, что держался древняго благочестія и не принялъ будто бы никоновскихъ новопремѣненій! О нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненіяхъ этого рода мы уже говорили; но вотъ предъ нами двѣ новыя тетрадки,— одна озаглавлена: „Показаніе о тѣлѣ Ѳеодосія Черниговскаго“, другая: „О ложныхъ чудесахъ и знаменіяхъ, бываемыхъ по попущенію Божію и недостойными“.

Первая тетрадка, писанная по-уставному, есть не что иное, какъ именно „показаніе“ крестьянина деревни Борковки Шиморской волости, Владимірской губерніи, Меленковскаго уѣзда, Владиміра Алексѣева, о поѣздкѣ въ Черниговъ ко дню открытія мощей. Сначала онъ сообщаетъ своимъ читателямъ: „Меня и еще двухъ старообрядцевъ, Ѳедора Кудасова и Андрея Володина, пригласилъ миссіонеръ о. Владиміръ Орловъ на открытіе мощей Ѳеодосія въ г. Черниговъ съ тѣмъ, что намъ позволено будетъ осмотрѣть тѣло Ѳеодосія, какъ только возможно. На сіе мы охотно согласились *потому болѣе,* что миссіонеръ взялся насъ везти на свой счетъ со всѣми дорожными расходами“. Ради чего такая, казалось бы, совсѣмъ излишняя откровенность? Конечно не для того, чтобы показать достойное всякой похвалы усердіе и попеченіе миссіонера о вразумленіи и душевномъ спасеніи старообрядцевъ, а для того, чтобы снять съ себя предъ ревнителями раскола упрекъ, зачѣмъ рѣшился ѣхать на православное торжество и еще тратиться на эту поѣздку. Итакъ, по беззастѣнчивому объясненію самого Алексѣева, онъ съ товарищами рѣшился ѣхать въ Черниговъ, побуждаемый не религіознымъ чувствомъ, не желаніемъ узнать истину о церкви, а только возможностью даромъ удовлетворить своему любопытству, съ очевиднымъ предубѣжденіемъ противъ того, что̀ ему будетъ показано. И онъ явился, дѣйствительно, свидѣтелемъ имѣющимъ очи, но не видящимъ. Приводить всѣ подробности его „показанія“ возмутительно для религіознаго чувства. Достаточно сказать, что онъ остался недоволенъ, зачѣмъ ему показали только руки святителя, а не дозво-

лили освидѣтельствовать всѣ мощи, и „ощупать видѣнное руками“. „Я приложился, — прибавляетъ онъ, — къ рукѣ Ѳеодосія и нарочно приложился плотно къ ней губами: рука Ѳеодосія была *твердая, какъ дерево,* я это хорошо чувствовалъ губами“. Затѣмъ онъ разсказываетъ, что исцѣленные при мощахъ оказались будто бы совсѣмъ неисцѣленными, и заключаетъ свое показаніе слѣдующими словами: „Послѣ всего мною видѣннаго я нисколько не увѣрился въ православіи грекороссійской церкви, *напротивъ еще болѣе убѣдился въ ея неправдѣ.* Также и мои сотоварищи“. Алексѣевъ (бѣглопоповецъ) и товарищи его (безпоповцы), это именно тѣ старообрядцы, которые на возвратномъ пути изъ Чернигова видѣлись въ Москвѣ съ Ив. Зыковымъ и передавали ему о своихъ сомнѣніяхъ относительно подлинности мощей и чудесъ святителя Ѳеодосія, о чемъ Зыковъ въ свою очередь проповѣдывалъ въ Москвѣ. Мы полагаемъ, что и разсматриваемая тетрадка написана и распространяется по наставленію этого же закоренѣлаго лжеучителя — Зыкова, если только не имъ самимъ и составлена. Между тѣмъ этою тетрадкою уже воспользовались и пользуются даже поповцы австрійскаго согласія, въ подобныхъ случаяхъ забывающіе о своей непримиримой враждѣ къ бѣглопоповцамъ и къ безпоповцамъ, всегда заодно съ ними дѣйствующіе въ нападеніяхъ и клеветахъ на церковь: въ заграничной газетѣ ихъ, какъ намъ сообщаютъ, уже явилась новая гнусная статья Мельникова о св. Ѳеодосіи, гдѣ онъ проповѣдуетъ, что вмѣсто мощей лежитъ въ гробницѣ деревянная кукла, и ссылается именно на свидѣтельство старообрядца, который прикладывался къ рукѣ мнимаго Ѳеодосія и нашелъ ее *твердою, какъ дерево.* А всего примѣчательнѣе слѣдующее обстоятельство: „Владиміръ Алексѣевъ Сѣдовъ, крестьянинъ д. Борковой, наставникъ и уставщикъ бѣглопоповскаго согласія, Андрей Кузминъ Володинъ, крестьянинъ д. Песочной, уставщикъ Поморскаго безпоповскаго согласія, и Ѳедоръ Кудасовъ“, значатся въ ряду тѣхъ старо-

обрядцевъ которые письменнымъ, формальнымъ „актомъ“ засвидѣтельствовали „предъ Богомъ и людьми“, что „собственными очами видѣли св. мощи угодника Ѳеодосія, лобзали своими устами нетлѣнныя руки святителя, *осязали* ноги его, и воистину увѣровали и убѣдились, что мощи св. угодника почиваютъ во гробѣ“, что онъ, Василій Алексѣевъ Сѣдовъ, и Ѳедоръ Кудасовъ даже собственноручно подписались, какъ грамотные, за себя и за товарищей подъ этимъ формальнымъ актомъ. Гдѣ же правда? Когда говорили ее раскольники? — тогда ли, какъ „предъ Богомъ и людьми“ свидѣтельствовали о дѣйствительномъ нетлѣніи мощей св. Ѳеодосія и о вѣрѣ своей въ его дѣйствительную святость, подкрѣпивъ это свидѣтельство собственноручной подписью, или теперь, когда въ угоду Зыковымъ и Мельниковымъ пишутъ, что возвратились изъ Чернигова „еще болѣе убѣжденными въ неправдѣ“ грекороссійской церкви, и распространяютъ о томъ тетрадки на славу и подкрѣпленіе раскола, на удержаніе въ немъ тѣхъ старообрядцевъ, которые поколебались извѣстіями о новомъ проявленіи благодати Божіей въ православной россійской церкви? Въ приведенномъ примѣрѣ какъ нельзя лучше выразился характеръ нашихъ именуемыхъ старообрядцевъ, для которыхъ честность, искренность и справедливость — пустыя слова.

Иного характера, но еще возмутительнѣе другая тетрадь — „О ложныхъ чудесахъ и знаменіяхъ“, — тетрадь довольно большая (37 л. in 4^0), оттиснутая на гектографѣ. Приведя на 19 листахъ свидѣтельства о томъ, что знаменія и чудеса совершались иногда и бѣсовскою силою, сочинители этой тетрадки говорятъ: „такъ какъ противники наши, стараясь подтвердить истинность никоніанизма *не ученіемъ, согласнымъ древлеправославной церкви,* а новоявленными, какъ они говорятъ, мощами, и *тѣмъ многихъ совращаютъ съ истиннаго пути,* и вотъ чтобы разсмотрѣть и обличить эту (?) очевидную ложь, мы постараемся поставить на видъ православнымъ, какое несогласіе и противорѣчіе нынѣ современная намъ грекороссійская церковь

имѣетъ съ церковію древлеправославною". Это явная неправда, что будто бы православные защищаютъ православіе отъ раскольническихъ нападеній „не ученіемъ древлеправославной церкви", такъ какъ именно на старопечатныя книги, содержащія это ученіе, они всегда и ссылаются въ бесѣдахъ со старообрядцами; но въ приведенныхъ словахъ для насъ важно собственно указаніе, что тетрадь составлена именно по случаю открытія мощей св. Ѳеодосія, которымъ „многіе" изъ старообрядцевъ привлекаются съ ложнаго пути къ познанію истины о церкви грекороссійской. Какія же однако отступленія отъ древлеправославнаго ученія, — отступленія даже „не въ какихъ-либо маловажныхъ вещахъ, или обрядахъ, но въ великихъ и главныхъ предметахъ христіанскаго ученія" (л. 19 об.), поставляются въ вину грекороссійской церкви? Разумѣется все тѣ же исправленія именно въ словахъ и обрядахъ — *Іисусъ* вмѣсто *Іусъ*, троеперстіе вмѣсто двуперстія, трегубое аллилуіа вмѣсто сугубаго и проч. и проч. На сей разъ все это повторяется только съ какимъ-то особымъ озлобленіемъ противъ церкви. А говоря о перстосложеніи, сочинитель не преминулъ сдѣлать и слѣдующую ученую ссылку: „Что касается до древности этого преданія (воображать крестъ двумя персты), то о немъ свидѣтельствуетъ писатель церковной исторіи профессоръ Е. Голубинскій (Богосл. Вѣст. за 1892 г. т. 2, стр. 40, 45, 46). Онъ даже говоритъ и то, что въ Греціи въ XII вѣкѣ крестящимися двумя персты произнесена была клятва на тѣхъ, кто противился этому преданію, въ чемъ съ нимъ согласны и другіе, какъ-то профессоръ Каптеревъ (см. Прав. Обозр. за 1887 г. т. 1, стр. 352—353). Зная все это (т.-е. и знаменитыя открытія не менѣе знаменитыхъ профессоровъ ?), отцы собора такъ называемаго Стоглава (?) изрекли клятву на не крестящихся двумя персты (л. 26)". Къ какому же заключенію сводятся всѣ эти, давно опровергнутые, извѣты на православную церковь? „Все это, — говоритъ сочинитель, — сказано нами для того, чтобы дать понятіе читателямъ, что какими гла-

замп они должны смотрѣть на новооткрывшіяся мощи, и такъ какъ они (мощи?) при жизни своей не были никогда сынами православной церкви, а напротивъ ревностными защитниками новаго и противнаго ей ученія, тѣмъ и по смерти своей не могутъ принимать почести съ ея сынами". Потомъ, приведя разсказъ объ оставшихся цѣлыми тѣлахъ какихъ-то людей, находившихся подъ клятвою епископа, прибавляетъ: „Итакъ не тлѣютъ тѣла и потому, что содержатся подъ клятвою архіерейскою. Будемъ смотрѣть, любезные читатели, и на новооткрывшіяся мощи такими глазами. Почему они не тлѣютъ? Можетъ быть за то, что умерли въ противленіи съ древлеправославною церковію, или потому, что пребываютъ подъ клятвою двухъ православныхъ соборовъ, какъ мы выше сказали". Можно судить по этому, какъ озабочены и встревожены были ревнители раскола совершившпмся въ православной церкви торжествомъ открытія мощей святителя Ѳеодосія и къ какимъ возмутительнымъ мѣрамъ прибѣгали и прибѣгаютъ, чтобы ослабить его впечатлѣніе среди старообрядцевъ. Не можемъ сказать съ полной увѣренностью, кому принадлежитъ послѣдняя тетрадь, — безпоповцамъ, или поповцамъ. То, что̀ говорится въ ней о имени *Іисусъ*, могло бы наводить на мысль, что по крайней мѣрѣ окружники не могли написать ее; но мы знаемъ, что́ такое нынѣшніе именуемые окружники, какъ мало они отличаются даже отъ безпоповцевъ своими писаніями о церкви, и потому охотно допускаемъ, что она вышла изъ того же скопища, которымъ заправляетъ Бриліантовъ; притомъ же своей внѣшностью она ничѣмъ не отличается отъ Бриліантовскихъ изданій.

А что нынѣшніе поповцы австрійскаго согласія заражены дикими безпоповщинскимм понятіями, доказательствомъ этого можетъ служить еще одна изъ новыхъ подпольныхъ раскольническихъ тетрадокъ, о которой намъ слѣдуетъ сказать. Тетрадка эта, писанная по-уставному, имѣетъ заглавіе: „О господствующей всероссійской церкви и о дѣйствительномъ существѣ императора Петра I-го". Въ ней

утверждается, что Петръ есть ни кто другой, какъ самъ антихристъ, и что пастыри россійской церкви „по отступленіи своемъ съ патріархомъ Никономъ въ ереси (?!) восточной церкви, въ царствованіе императора Петра I-го *отступили и отъ Господа Іисуса Христа и послѣдовали во всемъ противнику его — лжехристу, и обязались* клятвеннымъ его закономъ *повиноватися ему вмѣсто Христа, яко богу*, во всемъ безусловно до послѣдней капли крови, что исполняется ими доселѣ неизмѣнно". Не есть ли это точное выраженіе самыхъ крайнихъ и дикихъ безпоповщинскихъ мнѣній о православной церкви? А между тѣмъ далѣе въ тетрадкѣ говорится: „древняя истинная церковь принуждена *болѣе 100 лѣтъ* принимать іереовъ *отъ богоотступной церкви* съ покаяніемъ и проклятіемъ ереси въ своихъ чинахъ"; и потомъ еще яснѣе: сіе пріятіе іереевъ, „носившихъ богопротивную хиротонію лжехриста", продолжалось „около 180 лѣтъ, до присоединеніи митрополита Амвросія". Итакъ ясно, что всѣ эти дикія безпоповщинскія мнѣнія о церкви проповѣдуетъ старообрядецъ, пріемлющій іерархію, отъ Амвросія происшедшую,— это собратъ Швецова, Бриліантова, Мельникова и прочихъ утверждаетъ, что россійская церковь при Никонѣ „отступила въ *ереси* восточной церкви" (отъ которой сами приняли Амвросія), а при Петрѣ сдѣлалась богоотступною, что 180 лѣтъ они, старообрядцы, принимали поповъ, „носившихъ богопротивную хиротонію лжехриста", что значитъ такую же хиротонію носилъ и попъ Іеронимъ, принявшій греческаго еретика Амвросія, отъ котораго пошла все та же богопротивная іерархія... И конечно, ни Швецовъ, ни Бриліантовъ не отрекутся отъ такого проповѣдника, высоко цѣнн его не знающую границъ ненависть къ православной церкви и ревность о расколѣ. Не даромъ же и его гнусная тетрадка распространяется среди старообрядцевъ.

Теперь нѣсколько словъ о книгѣ, изданной уже несомнѣнно безпоповцами. Это дѣйствительно книга, печатная, и напечатанная хорошимъ славянскимъ шрифтомъ въ ка-

кой-то подпольной типографіи. Заглавіе ея: „Чинъ, бываемый дѣйствовати православному христіанину *по великой нуждѣ*, со изъятіемъ священническихъ молитвъ и священнодѣйствій". Ясно, что это есть чинъ, сочиненный самими безпоповцами, ибо такой *нужды* въ церкви не бывало и быть не можетъ, чтобы прекратились въ ней священнодѣйствія и молитвы, совершаемыя священниками. Между тѣмъ безпоповцы выдаютъ его, какъ составленный святыми отцами и даже Апостолами. Вотъ напр. въ немъ помѣщенъ „Уставъ св. Апостолъ и изложеніе богоносныхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ святаго крещенія роду человѣчу". Но гдѣ же святые Апостолы и богоносные отцы изложили чинъ крещенія безъ священника? Помѣщенъ такой же чинъ исповѣди, й въ немъ св. Апостолы и богоносные отцы будто бы повелѣваютъ духовнику давать нелѣпѣйшіе вопросы кающимся. Любопытства ради приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ. „О масляницѣ не катался ли съ горы, или не качался ли на качеляхъ? Не лѣчился ли у невѣрнаго лѣкаря и не пилъ ли изъ аптеки лѣкарственныхъ капель? Не ѣдалъ ли изъ мірской посуды въ пути; или въ гостяхъ? Не бывалъ ли у еретическихъ поповъ подъ благословеніемъ, или подъ кропленіемъ воды? Не ходилъ ли кого погребать въ еретическую церковь и не плакалъ ли по некрещеннымъ (т.-е. не перекрещеннымъ въ безпоповство)? Не бывалъ ли въ еретической церкви у присяги и не читалъ ли ихъ клятвеннаго обѣщанія? Не цѣловалъ ли ихъ креста и Евангелія"?[1]) и проч. А на повинныхъ въ совершеніи такихъ тяжкихъ грѣховъ налагаются показанныя далѣе епитиміи, тоже будто бы по заповѣди св. Апостолъ и богоносныхъ отецъ. Напр. „аще кто по недоумѣнію или забвенію сходитъ подъ благословеніе къ попу, за то кланятися двѣ трапезы (это значитъ 1000 поклоновъ), еще поста

[1]) Вотъ почему извѣстные гг. гласные московской думы изъ интелегентныхъ старообрядцевъ не захотѣли принять присягу и цѣловать крестъ въ присутствіи православнаго епископа.

десять дней", „аще кто у попа крестъ цѣловалъ, за то кланятися одну трапезу (500 поклоновъ). аще ли руку его попову цѣловалъ. за то кланятися три трапезы" (1500 поклоновъ).

Пусть наши газетные восхвалители раскола, признающіе старообрядцевъ и просвѣщенными и (самое главное) мирно и благожелательно относящимися къ православной церкви, — пусть они полюбуются на эти образчики старообрядческой просвѣщенности и вѣротерпимости, которыми такъ изобилуютъ новѣйшія литературныя произведенія старообрядцевъ, не только безпоповщинскихъ толковъ, но и самихъ „пріемлющихъ священство", т.-е. австрійское священство. Именно для ознакомленія читателей съ нынѣшнимъ настроеніемъ и нимало не измѣнившимся характеромъ раскола, съ его невѣжествомъ и фанатической враждой къ церкви, мы и вели здѣсь рѣчь о новѣйшихъ раскольническихъ подпольныхъ изданіяхъ, а также и для того, чтобы показать, какъ эти изданія многочисленны и какъ свободно распространяются. Мы, разумѣется, перечислили далеко не всѣ изъ новыхъ подпольныхъ изданій, распространяемыхъ Швецовымъ изъ Нижняго и Бриліантовымъ въ Москвѣ и изъ Москвы (есть наприм. цѣлая серія тетрадокъ, превратно и тенденціозно излагающихъ происходящія въ Москвѣ бесѣды миссіонеровъ). Удивляться ли, что и тамъ и здѣсь предоставлена такая свобода изданію и распространенію такого множества противозаконныхъ и вредныхъ церкви и народу книгъ и тетрадей, оттиснутыхъ на подпольныхъ станкахъ и гектографахъ? Взывать ли ко властямъ и блюстителямъ закона, чтобы твердо и честно исполняли свой долгъ, чтобы приняли надлежащія мѣры къ пресѣченію зла и беззаконія, чтобы вспомнили, что сами-то они все же православные (хоть есть между ними и армяне) и должны любить свою матерь — православную церковь, оберегать ее отъ раскольническихъ клеветъ и оскорбленій, что, потворствуя этимъ оскорбленіямъ церкви, они рано или поздно, навле-

кутъ на себя и на дѣтей своихъ грозный судъ самого Бога, создавшаго и возлюбившаго свою церковь, — а *страшно есть, еже впасти въ руцѣ Бога живаго?*.. Взывать ли о всемъ этомъ ко властямъ и блюстителямъ закона, покровительствующимъ расколъ и беззаконія раскольниковъ? Напрасно! Звукъ раскольническаго золота для нихъ внятнѣе и убѣдительнѣе самыхъ горячихъ рѣчей о долгѣ и справедливости, о Христѣ и церкви Христовой! — говоритъ намъ многолѣтній опытъ. Приходится только заявить, что ревнители православія въ православной Москвѣ истомлены уже, до крайней степени истомлены, ежедневно видя такое преступное покровительство расколу и тщетно ожидая «удерживающаго»...

5. Еще о затѣѣ перевезти прахъ Амвросія въ Бѣлую Криницу.

Мы уже говорили (см. гл. 2), что посланный московскими старообрядцами хлопотать о перевезеніи Амвросіева праха изъ Тріеста въ Бѣлую Криницу лжепопъ Димитрій Смирновъ въ концѣ января возвратился изъ-за границы, не кончивъ, даже не начавъ офиціально этого дѣла, а поручивъ его веденіе самому Аѳанасію, именуемому митрополиту бѣлокриницкому, который однакоже, не особенно сочувствуя московской затѣѣ, не спѣшилъ подачей прошенія австрійскому правительству о разрѣшеніи перевезти прахъ Амвросія. Но спустя недѣли три по отъѣздѣ Смирнова, именно 13 (25) февраля, Аѳанасій подписалъ прошеніе и отправилъ въ Вѣну, въ министерство внутреннихъ дѣлъ. У насъ имѣется точная копія этого прошенія. Какъ любопытный для настоящаго времени документъ, приводимъ его здѣсь вполнѣ:

Hohes k. k. Ministerium!

Der ergebenst Unterzeichnete erlaubt sich im Namen des altglaubigen Klosterconwents zu Fontina-Alba in der Bukowina um die hochgeneigte Bewilligung zur Ueberfuhrung der irdischen Ueberreste des ersten altglaubigen Erzbischofs und Metropoliten von Fontina-alba Ambrosius Popowicz aus Triest in das Kloster Fontina-alba ergebenst zu bitten, und stuzt diese Bitte auf nachstehende Momente:

1. Auf Grund des Allerhöchsten Patentes vom 9. October 1783 Punkt 1. wurde uns Altgläubigen bei unserer Einwanderung in die Bukovina von weiland Kaiser Joseph dem Zweiten die vollkommen freie Religionsubung gewährt.

2. Da unsere Vorfahren zur Zeit ihrer Einwanderung in die Bukowina wohl Mönche, und schäter zeitweise auch Priester, aber keinen Weihbischof hatten, so haben sie sich von weiland Kaiser Ferdinand dem Guten die Bewilligung

zur Grundung eines selbststandigen Bisthums in Fontina-alba erbeten, welche Bewilligung uns mit dem Allerhochsten Decrete vom 18. September 1844 Zl 19997 ertheilt worden ist.

3. Laut dieses Decretes Punkt 1. war uns gestattet aus dem Auslande einen Erzbischof oder Bischof zu nehmen, welchem das Recht eingeraumt worden ist Personen unseres altglaubigen Ritus nach Bedarf bis zu den hochsten geistlcihen Wurden, sowie einen Vicarbischof als seinen Stellvertreter auszuweihen. Auf Grund dessen wurde im Jahre 1846 der gewesene Metropolit von Bosnien Ambrosius zu unseren Oberhirten erwahlt.

4. Mit der Verfügung der Allerhochsten Hofkanzlei vom 15. November 1846 Zl 34987 werde dem Metropoliten Ambrosius gestattet die Functionen eines Oberhirten der Altgläubigen zu übernehmen und zu diesem Zwecke sich in das Kloster Fontina-alba zum standigen Aufenthalte zu begeben.

5. Mit der Allerhochsten Entschliessung vom 3. Marz 1847 wurde dem Metropoliten Ambrosius die osterreichische Staatsbürgerschaft verliehen.

6. Ueber vorgebrachte Klagen seitens des Konstantinopoler griechischen Patriarchates, sowie solche seitens des russischen Hofes, wurde Metropolit Ambrosius mit dem Gubernialerlasse d. d Lemberg, den 6. Dezember 1847, auf Grund des Schreibens der Allerhochsten Kabinetskanzlei vom 29. November desselben Jahres, aus Fontina-alba nach Lemberg und von dort nach Wien abberufen.

7. Mit der Allerhochsten Entscheidung vom 22. Februar 1848 wurde dem Metropoliten Ambrosius die Ruckkehr nach Fontina-alba fur immer untersagt, und hierauf demselben die Wahl zwischen der Ruckkehr zum Patriarchen von Konstantinopel und der Internierung freigestellt.

8. Ambrosius hat das Letztere gewahlt, und wurde er infolgedessen in Cilli interniert, wo derselbe die letzte Zeit seines Lebens d. i. vom Jahre 1848 bis 1863 verbrachte.

9. Am 11. November 1863 ist der Metropolit Ambrosius in Cilli gestorben und wurde, laut beigeschlossenen Todten-

scheines, am 17. desselben Monats auf dem griechischen Friedhofe in Triest beerdigt.

Aus dem Voranstehenden kann ersehen werden, dass Ambrosius unser erster Erzbischof und Metropolit war und in dieser Eigenschaft als Begrunder unserer kirchlichen altglaubigen Hierarchie betrachtet wird; dass er seine Residenz in Fontina-alba hatte, woselbst er als unser Oberhirt und Weihbischof fungierte; endlich, das derselbe seinen Bischofsstuhl in Fontina-alba nicht freiwillig, sondern uber hohere und Allerhochste Anordnung verlassen hat, um nie mehr dahin zuruckzukehren.

Da der Metropolit Ambrosius unseretwegen das harte Loos der Verbannung theilen musste, so ist uns sein Andenken heilig, und hat uns der Umstand, dass derselbe sein fur uns so theueres Leben in der Verbannung auch beschliessen musste, stets mit grosser Trauer erfullt. Es war daher unser steter Wunsch, dass, wenn ihm nach dem gottlichen Rathschlusse die Möglichkeit benommen war, an dem Sitze des von ihm begründeten altgläubigen Bisthums in Fontina-alba zu leben und zu sterben, wenigstens seine irdischen Ueberreste hieher uberfuhrt werden mogen.

Im Herbste vergangenen Jahres sind funfzig. Jahre verstrichen, seit der Metropolit Ambrosius seinen Einzug im Kloster Fontina-alba gehalten hat, wahrend das laufende Jahr das funtzigste sein wird seit der Zeit, als Seine Hochwurden aus Fontina-alba nach Wien abberufen worden ist und in die Verbannung gehen musste.

Wir Altglaubigen erachten es nun fur unsere heilige Pflicht das Andenken an unseren ersten Erzbischof und Metropoliten Ambrosius durch die Ueberfuhrung seiner Reliquien in das Kloster zu Fontina-alba, als den Sitz und Begräbnisort aller unserer Metropoliten, zu ehren. Und gerade im laufenden Jahre glauben wir die geeignete Zeit gekommen zu sehen, um die Erfullung unseres langgehegten Wunsches kompetentenorts anzustreben.

Indem wir die eingangs angeführte Bitte wiederholen,

geben wir uns der zuversichtlichen Hoffnung hin, dass das Hohe k. k. Ministerium dieselbe einer hochgeneigten Berucksichtigung wurdgen werde.

Vom altglaubigen erzbischoflichen Ordinariate

Смиренный Аѳанасій, митрополитъ бѣлокриницкій[1]).

Fontina-alba, am 25. Februar 1897.

Прошеніе писалъ, очевидно, адвокатъ; но за неимѣніемъ въ Бѣлой Криницѣ въ настоящее время человѣка, подобнаго иноку Павлу, который дѣлалъ указанія даже самому Дворачку, нынѣшній бѣлокриницкій адвокатъ допустилъ въ своемъ произведеніи такія выраженія, какихъ Павелъ, въ интересахъ старообрядчества, полагаемъ, никакъ не

---

[1]) *Переводъ.* Отъ имени старообрядческаго монастырскаго совѣта въ Бѣлой Криницѣ, въ Буковинѣ, имѣю честь покорнѣйше просить императорско-королевское министерство о благосклонномъ разрѣшеніи перевезти останки перваго старообрядческаго архіепископа и митрополита Бѣлой Криницы Амвросія Поповича изъ Тріеста въ Бѣлокриницкій монастырь, при чемъ основываю сію просьбу на нижеслѣдующихъ пунктахъ:

1) Высочайшею грамотою отъ 9 октября 1783 г., статья I, была дарована намъ, старообрядцамъ, при поселеніи нашемъ въ Буковинѣ, покойнымъ императоромъ Іосифомъ II полная свобода вѣроисповѣданія.

2) Такъ какъ наши предки, при поселеніи своемъ въ Буковинѣ, имѣли только монаховъ, а позднѣе временами и священниковъ, но не имѣли епископа, то они просили у покойнаго императора Фердинанда Добраго разрѣшенія основать самостоятельную епископію въ Бѣлой Криницѣ, каковое разрѣшеніе и было дано намъ высочайшимъ указомъ отъ 18 сентября 1844 г., № 19997.

3) Статьею I сего указа намъ было дозволено взять изъ-за границы архіепископа или епископа, которому предоставлялось право лицъ нашего старообрадческаго согласія посвящать, смотря по надобности, въ высшія духовныя степени, равно посвятить викарнаго епископа въ качествѣ своего намѣстника. На этомъ основаніи въ 1846 г. бывшій митрополитъ боснійскій Амвросій былъ избранъ нашимъ верховнымъ пастыремъ.

4) Распоряженіемъ канцеляріи высочайшаго двора отъ 15 ноября 1846 г., № 34987, было дозволено митрополиту Амвросію принять на себя обязанности верховнаго пастыря старообрядцевъ и на сей конецъ отправиться на постоянное жительство въ Бѣлокриницкій монастырь.

одобрилъ бы. Здѣсь, напримѣръ, Амвросій названъ „основателемъ (Begrunder) церковной старообрядческой іерархіи“, и говорится, что „епископство въ Бѣлой Криницѣ основано (begründeten) имъ“, Амвросіемъ. Такими выраженіями прямо дается мысль, что бѣлокриницкая іерархія не есть іерархія „основанная“ Христомъ и отъ Апостоловъ преемственно идущая, какова должна быть истинная „церковная іерархія“, а основана именно Амвросіемъ, есть іерархія амвросіанская. Такого выраженія Павелъ не до-

---

5) Высочайшимъ рѣшеніемъ отъ 3 марта 1847 г. митрополиту Амвросію были дарованы права австрійскаго гражданства.

6) Вслѣдствіе жалобъ, представленныхъ какъ со стороны константинопольской греческой патріархіи, такъ и со стороны русскаго двора, митрополитъ Амвросій, по приказу львовскаго губернскаго управленія отъ 6 декабря 1847 г., на основаніи предписанія канцеляріи высочайшаго кабинета отъ 29 ноября того же года, былъ отозванъ изъ Бѣлой Криницы во Львовъ, а оттуда въ Вѣну.

7) Высочайшимъ рѣшеніемъ отъ 22 февраля 1848 г. митрополиту Амвросію было навсегда запрещено возвращаться въ Бѣлую Криницу и затѣмъ предоставлено ему на выборъ — возвратиться къ константинопольскому патріарху, или быть сосланнымъ на поселеніе.

8) Амвросій избралъ послѣднее, и вслѣдствіе сего былъ сосланъ на поселеніе въ Цилли, гдѣ и провелъ послѣдніе годы своей жизни, т.-е. отъ 1848 до 1863 г.

9) 11 ноября 1863 г. митрополитъ Амвросій скончался въ Цилли и былъ, согласно прилагаемому при семъ свидѣтельству о смерти*), погребенъ 17 того же мѣсяца на греческомъ кладбищѣ въ Тріестѣ.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что Амвросій былъ нашимъ первымъ архіепископомъ и митрополитомъ и, какъ таковой, считается основателемъ нашей церковной старообрядческой іерархіи; что онъ имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Бѣлой Криницѣ, гдѣ дѣйствовалъ въ качествѣ нашего верховнаго пастыря и епископа; наконецъ — что онъ оставилъ свою епископскую каѳедру въ Бѣлой Криницѣ не добровольно, а по высшему и высочайшему распоряженію, — оставилъ, чтобы никогда туда не возвращаться.

Такъ какъ митрополитъ Амвросій изъ-за насъ подвергся тяжелой участи быть сосланнымъ, то его память священна намъ, и то обстоя-

---

*) Разумѣется, очевидно, то самое свидѣтельство, полученное Аѳанасіемъ изъ Тріеста, которое мы напечатали во 2-й гл. Лѣтописи.

пустилъ бы; а подписавшій прошеніе Аѳанасій, допустивъ его въ офиціальномъ документѣ, далъ основаніе утверждать, что самъ онъ, именуемый митрополитъ бѣлокриницкій, признаетъ и себя и всю іерархію бѣлокриницкую ведущими начало не отъ Христа, а отъ Амвросія, ея „основателя“ (что̀ и справедливо). Не вѣрно потомъ, или по крайней мѣрѣ не точно, выраженіе, что Бѣлокриницкій монастырь есть „мѣсто погребенія всѣхъ бѣлокриницкихъ митрополитовъ“. Какіе *всѣ* бѣлокриницкіе митрополиты тамъ погребены? — Тамъ похороненъ одинъ Кириллъ; Аѳанасій еще здравствуетъ; а Амвросій, какъ само прошеніе свидѣтельствуетъ, похороненъ въ Тріестѣ. Иное дѣло, если бы сказать, что всѣ бѣлокриницкіе митрополиты *должны быть* погребаемы въ Бѣлой Криницѣ. Это могло бы

тельство, что ему пришлось окончить свою, столь драгоцѣнную для насъ. жизнь въ ссылкѣ, исполняетъ насъ всегда великой горестью. Посему постояннымъ нашимъ желаніемъ было, чтобы, ежели по Божественному опредѣленію онъ былъ лишенъ возможности жить и умереть въ резиденціи основаннаго имъ епископства, въ Бѣлой Криницѣ, по крайней мѣрѣ его смертные останки были перенесены сюда.

Осенью прошлаго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ митрополитъ Амвросій совершилъ свой въѣздъ въ Бѣлокриницкій монастырь, а въ текущемъ году исполнится пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ его преосвященство былъ вызванъ изъ Бѣлой Криницы въ Вѣну и долженъ былъ отправиться въ ссылку.

Мы, старообрядцы, вмѣняемъ себѣ въ священную обязанность почтить память нашего перваго архіепископа и митрополита Амвросія перенесеніемъ его мощей въ Бѣлокриницкій монастырь, резиденцію и мѣсто погребенія всѣхъ нашихъ митрополитовъ. И именно въ текущемъ году мы полагаемъ благовременнымъ ходатайствовать въ подлежащемъ мѣстѣ объ исполненіи нашего давно лелѣемаго желанія.

Повторяя приведенную въ началѣ сего просьбу, питаемъ увѣренность, что императорско королевское министерство удостоитъ оную милостиваго вниманія.

Отъ старообрядческаго архіепископскаго епархіальнаго управленія
Смиренный Аѳанасій, митрополитъ бѣлокриницкій.

Бѣлая Криница,
25 февраля 1897 г.

служить однимъ и довольно сильнымъ изъ основаній для ходатайства о перевезеніи Амвросіева тѣла на бѣлокриницкое кладбище. Но чѣмъ, какими офиціальными документами доказать это? Ни въ „Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря“, утвержденномъ австрійскимъ правительствомъ, ни въ другихъ подобныхъ документахъ о томъ не упомянуто. Павелъ, очевидно, не предвидѣлъ того, въ чемъ явилась теперь надобность. Нельзя также не обратить вниманія на выраженіе: „вмѣняемъ въ священную обязанность почтить память Амвросія перенесеніемъ его мощей (Reliquien)“. Что это? — неточность, допущенная адвокатомъ, или точное выраженіе мысли Аѳанасія и руководителей затѣи? Во всякомъ случаѣ оно совсѣмъ неумѣстно въ офиціальномъ документѣ, ибо австрійское правительство, едва ли допускающее и самое существованіе мощей, можетъ потребовать доказательствъ, почему тѣло Амвросія просители признаютъ мощами, т.-е. нетлѣннымъ и источающимъ исцѣленія. Такихъ доказательствъ они, разумѣется, представить не могутъ. И вообще твердыхъ основаній для удовлетворенія просьбы не представлено, а документальныя справки, приведенныя въ ней, даютъ основаніе скорѣе для отказа, нежели для исполненія просьбы. Основаніемъ просьбы служитъ собственно желаніе липованъ почтить память митр. Амвросія, „изъ-за нихъ подвергшагося тяжкой участи“, т.-е. ссылкѣ, перенесеніемъ его смертныхъ останковъ въ Бѣлую Криницу, и именно въ настоящемъ году, когда исполнится (29 ноября) пятьдесятъ лѣтъ со времени его удаленія изъ Бѣлой Криницы. Признательность старообрядцевъ къ памяти Амвросія, если только она искренняя, разумѣется, похвальна; но основаніемъ для просьбы о перевезеніи его праха въ Бѣлую Криницу могло бы служить только въ томъ случаѣ, если бы онъ какъ-нибудь случайно умеръ въ Цилли, а не находясь тамъ въ ссылкѣ, притомъ по требованію русскаго правительства, какъ сказано и въ самыхъ справкахъ, приведенныхъ въ прошеніи. Оказывать нѣкотораго рода

почетъ ссыльному дозволеніемъ торжественнаго перенесенія его праха на другое мѣсто, австрійское правительство едва ли найдетъ удобнымъ особенно же безъ сношенія съ русскимъ правительствомъ, котораго это дѣло близко касается и отъ котораго едва ли можетъ послѣдовать согласіе на просьбу раскольниковъ. А сдѣлать непріятность Россіи въ угоду раскольникамъ австрійское правительство, надобно полагать, не рѣшится въ настоящее время. И доселѣ, сколько намъ извѣстно, никакого отвѣта на просьбу Аѳанасія изъ Вѣны не послѣдовало; а послѣдуетъ, по всей вѣроятности, отвѣтъ отрицательный.

Между тѣмъ сами старообрядцы, повидимому, питаютъ надежду на успѣхъ своей затѣи, и въ одной уличной газетѣ, съ ихъ, конечно, словъ, явилось извѣстіе, что старообрядцы уже стекаются въ Бѣлую Криницу на торжество перенесенія Амвросіевыхъ „мощей“. Та же увѣренность проглядываетъ и въ тѣхъ откровенныхъ объясненіяхъ передовыхъ раскольническихъ дѣятелей, съ которыми они выступаютъ даже печатно, по поводу сообщенныхъ газетами слуховъ о затѣѣ раскольниковъ перевезти прахъ Амвросія въ Бѣлую Криницу. Такъ, Бриліантовъ, другъ Смирнова и одинъ изъ предначинателей этой затѣи, выступилъ съ объясненіями въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ, между прочимъ, старается доказать, что Амвросій до конца жизни остался вѣренъ старообрядчеству и въ греческую церковь не возвращался. А за границей вступилъ въ подобныя же объясненія съ редакторомъ издающейся въ Черновцахъ газеты „Православная Буковина“ К. И. Козаркевичемъ, самъ Ѳедоръ Мельниковъ, издатель раскольническаго „Слова Правды“, другъ Бриліантова и Смирнова, и также одинъ изъ иниціаторовъ затѣи. Намъ сообщено любопытное письмо Мельникова къ г. Козаркевичу, которое приводимъ здѣсь вполнѣ.

Многочтимѣйшій Константинъ Ивановичъ!

Въ № 3 вашей достоуважаемой газеты: „Православная Буковина“ (1897 г.) вы сообщаете, что „буковинскіе липо-

ване хотятъ перевезти въ Бѣлую Криницу изъ штирійскаго городка Цилля тѣло старообрядческаго митрополита Амвросія", и при этомъ замѣчаете: „Затѣя странная, потому что Амвросій передъ смертію отъ старообрядчества отрекся и похороненъ православнымъ духовенствомъ". Вопросъ объ отреченіи Амвросія составляетъ для старообрядцевъ чрезвычайную важность, въ виду настоящей ихъ затѣи. Состоя редакторомъ-издателемъ старообрядческой газеты „Слово Правды", я обязанъ и буду вынужденъ принять участіе въ рѣшеніи этого вопроса. Но для рѣшенія какого бы ни было вопроса нужно имѣть данныя, факты, основанія. Мнѣ думается, что вы, дѣлая замѣчаніе объ отреченіи Амвросія, на чемъ-либо основывались; нельзя допустить, чтобы серіозный и справедливый редакторъ и вообще литераторъ писалъ наобумъ, не справляясь съ дѣйствительностію. Вы живете въ томъ самомъ государствѣ, въ которомъ доживалъ остатки своей жизни и умеръ м. Амвросій, посему вамъ, болѣе (чѣмъ) кому-либо, извѣстно объ Амвросіи и его поведеніи. Примите во вниманіе, что если выяснится, что Амвросій дѣйствительно отрекся отъ старообрядчества, то затѣя старообрядцевъ — перевезти тѣло Амвросія должна разрушиться. Смотря на эту затѣю старообрядцевъ, какъ на дѣло важное и стоящее вниманіе, я прошу васъ, многочтимѣйшій Константинъ Ивановичъ, объявить путемъ напечатанія на страницахъ вашей газеты тѣ несомнѣнные и вѣрные факты, которые ясно и неопровержимо доказывали бы, что м. Амвросій отрекся отъ старообрядчества. При этомъ поясните: есть ли въ Цилли и Тріестѣ, гдѣ умеръ и похороненъ м. Амвросій, православное духовенство? Какое именно духовенство похороняло Амвросія: болгарское ли, греческое ли, или румынское? Когда Амвросій отрекся отъ старообрядчества, то къ какой церкви присоединился и какимъ архіереемъ былъ принятъ? Православнымъ ли, или раскольникомъ признаютъ Амвросія въ настоящее время церкви восточная, русская и буковинская?

Надѣюсь на ваше прямодушіе, добросовѣстность и честность и ожидаю искреннихъ вашихъ объясненій по вопросу, возбужденному вами, объ отреченіи Амвросія.

Примите мое уваженіе къ вамъ

Ѳеодоръ Еѳимовъ.

Въ Браилѣ (въ Румыніи).
Февраля 25 дня 1897 г.

Итакъ, г. Ѳеодоръ Еѳимовъ, т.-е. Ѳедоръ Еѳимовичъ Мельниковъ, толкуетъ въ сущности о томъ же, о чемъ писалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ г. Михаилъ Ивановичъ Бриліантовъ (какъ самъ онъ скромно титулуетъ себя въ этой газетѣ); только раскольническій газетчикъ, какъ и подобаетъ ему, ведетъ рѣчь гораздо искуснѣе и хитрѣе. Откровенно объяснивъ своему заграничному собрату, что „состоитъ *редакторомъ-издателемъ* старообрядческой газеты *Слово Правды*“ (признаніе, для насъ не лишенное значенія, такъ какъ въ самой газетѣ своей Мельниковъ никогда не объявлялъ себя ея редакторомъ и мы только на основаніи частныхъ свѣдѣній называли его такъ) и что въ качествѣ „редактора-издателя старообрядческой газеты обязанъ и будетъ вынужденъ принять участіе въ рѣшеніи вопроса объ отреченіи Амвросія отъ старообрядчества“, Мельниковъ не пускается, подобно Бриліантову, въ разглагольствія о томъ, что Амвросій будто бы не возвращался и не могъ возвратиться въ греческую церковь, а требуетъ, чтобы самъ г. Козаркевичъ, какъ „живущій въ томъ самомъ государствѣ, въ которомъ доживалъ остатокъ своей жизни и умеръ м. Амвросій“, и, слѣдовательно, могущій собрать точныя свѣдѣнія о послѣднемъ времени его жизни, „объявилъ печатно на страницахъ своей газеты тѣ несомнѣнные и вѣрные факты, которые ясно и неопровержимо доказывали бы, что м. Амвросій отрекся отъ старообрядчества“. Онъ даже ставитъ и частные вопросы, на которые г. Козаркевичъ долженъ отвѣтить ему, основываясь на „несомнѣнныхъ и вѣрныхъ фактахъ“. Чтобы сдѣлать для г. Козаркевича болѣе обязательнымъ тре-

буемый отъ него отвѣтъ, Мельниковъ поставляетъ ему на видъ, что „вопросъ объ отреченіи Амвросія составляетъ для старообрядцевъ *чрезвычайную* важность въ виду настоящей ихъ затѣи“ (перевезти его тѣло), и что „если выяснится, что Амвросій дѣйствительно отрекся отъ старообрядчества, то затѣя старообрядцевъ должна рушиться“.

Вопросъ объ отреченіи Амвросія, собственно говоря, не имѣетъ важности, тѣмъ болѣе „чрезвычайной“, ни для самихъ старообрядцевъ, ни для православныхъ при сужденіи объ основанной имъ бѣлокриницкой іерархіи. Для старообрядцевъ важно собственно то, что принятый ими отъ ереси по второму чину (какъ принимались и бѣглые попы) бѣглый греческій митрополитъ основалъ имъ іерархію; а затѣмъ никакой болѣе надобности въ этомъ митрополитѣ для нихъ не было, и что̀ бы затѣмъ ни случилось съ нимъ, въ какую вѣру не перешелъ бы онъ, для нихъ безразлично, — іерархія у нихъ остается такою же, какую далъ имъ Амвросій, т.-е., по ихъ неправильному понятію, законною. Равнымъ образомъ и съ православной, или, что̀ то же, съ правильной, канонической точки зрѣнія, іерархія эта, основанная преступно бѣжавшимъ отъ своего патріарха митрополитомъ, отрекшимся и отъ православной церкви, въ которой получилъ рукоположеніе, и отъ всякаго общенія съ священноначаліемъ, къ которому принадлежалъ дотолѣ, проклявшимъ и православную церковь и православное священноначаліе, позорно принятымъ въ расколъ чрезъ мѵропомазаніе отъ бѣглаго раскольническаго попа, есть іерархія незаконная, лишенная апостольской преемственности, и остается таковою, нимало не завися отъ дальнѣйшей судьбы ея основателя, т.-е. отъ того, раскаялся, или не раскаялся Амвросій въ своемъ страшномъ преступленіи, которымъ снискалъ себѣ позорное имя въ исторіи православной церкви. Не подлежащее сомнѣнію возвращеніе Амвросія въ греческую церковь для насъ имѣетъ значеніе только лишь какъ новое свидѣтельство о томъ, что онъ перешелъ въ расколъ вовсе не по убѣ-

жденію въ мнимой правотѣ раскола и мнимомъ неправославіи церкви, какъ утверждаютъ раскольники, а единственно изъ житейскихъ разсчетовъ, польстившись на хорошее жалованье, которое по контракту обязались платить ему липованы, и не имѣя притомъ надлежащаго понятія о расколѣ и его отношеніяхъ къ православію, о чемъ, къ своему крайнему прискорбію, узналъ уже потомъ, когда завезенъ былъ въ Бѣлую Криницу и пожилъ среди раскольниковъ, послѣ чего и возненавидѣлъ расколъ, прямо называя его „липованской ересью“. Итакъ, вопросъ объ „отреченіи“ Амвросія въ сущности не имѣетъ значенія ни для насъ, ни для раскольниковъ; но Мельниковъ совершенно справедливо говоритъ, что онъ имѣетъ для послѣднихъ „чрезвычайную важность *въ виду настоящей ихъ затѣи*“, и „если выяснится, что Амвросій дѣйствительно отрекся отъ старообрядчества, то затѣя старообрядцевъ — перевезти тѣло Амвросія *должна рушиться*“. Любопытно, что Мельниковъ и самъ называетъ только затѣей это предпріятіе старообрядцевъ, — и ихъ затѣя, конечно, должна рушиться, какъ скоро они должны будутъ признать, что Амвросій, по удаленіи изъ Бѣлой Криницы, живя въ Цилли, безъ стѣснительнаго и унизительнаго для него надзора липованъ, возвратился въ греческую церковь, такъ легкомысленно и преступно имъ оставленную: какая имъ надобность перевозить въ свою старообрядческую митрополію, на позоръ себѣ, тѣло ихъ перваго митрополита, бросившаго старообрядчество при первой къ тому возможности, какъ презрѣнную „липованскую ересь“!? Они хлопочутъ о прославленіи Амвросія, даже объ открытіи „мощей“ его, какъ „основателя“ ихъ іерархіи: а развѣ могутъ считать святымъ человѣка бросившаго и осудившаго мнимое старообрядчество, умершаго въ православіи? Вотъ почему разные Бриліантовы, затѣявшіе именно ради прославленія Амвросія перевезеніе его праха въ Бѣлую Криницу, всячески стараются доказать, что онъ до конца жизни остался вѣренъ расколу, или, по крайней мѣрѣ, усиливаются от-

вергнуть ясныя свидѣтельства о возвращеніи его въ греческую церковь. Потому же и Мельниковъ, болѣе искусный, чѣмъ самъ Бриліантовъ, понимая, очевидно, слабость доводовъ, какіе можно представить, и дѣйствительно представлены Бриліантовымъ, въ доказательство неизмѣнной до конца вѣрности Амвросія расколу, избралъ другую тактику: онъ требуетъ отъ самого г. Козаркевича фактическихъ доказательствъ, „ясныхъ и неопровержимыхъ“, что Амвросій отрекся отъ старообрядчества, — и именно съ этою цѣлью предлагаетъ ему на рѣшеніе нѣсколько вопросовъ.

Не знаемъ, будетъ ли отвѣчать г. Козаркевичъ на вопросы Мельникова, — имѣемъ основаніе полагать, что не будетъ. Любопытно, однако, разсмотрѣть эти вопросы, такъ какъ Мельниковъ, очевидно, усвояетъ имъ большое значеніе.

Онъ спрашиваетъ, во-первыхъ: „есть ли въ Цилли и Тріестѣ, гдѣ умеръ и похороненъ м. Амвросій, православное духовенство?“ Подъ „православнымъ“ онъ разумѣетъ здѣсь, какъ видно изъ слѣдующаго, второго вопроса, именно духовенство греческое, болгарское, румынское, а слѣдовательно и русское. Если бы съ своими вопросами Мельниковъ обращался къ кому-либо изъ русскихъ, онъ, конечно, не сказалъ бы этой вынужденной, во всякомъ случаѣ, непріятной ему правды, — не назвалъ бы „православнымъ“ греческое духовенство съ прочими единовѣрными ему; но обращаясь къ своему заграничному коллегѣ, неловко было называть это духовенство еретическимъ, никоніанскимъ, даже господствующимъ (какъ обыкновенно называютъ раскольники), а пришлось, скрѣпя сердце, назвать его дѣйствительно принадлежащимъ ему именемъ — „православное“, — и это невольное проглаголаніе правды такимъ отъявленнымъ ругателемъ грекороссійской церкви и ея духовенства нельзя не поставить на видъ друзьямъ его — Швецовымъ и Бриліантовымъ. Итакъ, спрашивается: есть ли православное духовенство въ Цилли и Тріестѣ?

т.-е. могъ ли Амвросій въ Цилли быть напутствованъ передъ смертію, а въ Тріестѣ погребенъ православнымъ духовенствомъ? Относительно Тріеста вопросъ предложенъ даже совсѣмъ напрасно, такъ какъ и самъ Мельниковъ долженъ знать, что въ Тріестѣ есть особое греческое кладбище, на которомъ хоронятся православные греки и похороненъ самъ Амвросій, о чемъ имѣется офиціальное увѣдомленіе, упоминаемое и въ прошеніи Аѳанасія, отправленномъ въ австрійское министерство внутреннихъ дѣлъ: а когда есть греческое православное кладбище, то несомнѣнно должно быть и есть греческое православное духовенство, которымъ Амвросій и былъ похороненъ. Иное дѣло вопросъ о Цилли. Здѣсь Мельниковъ является союзникомъ Бриліантова. Этотъ послѣдній доказывалъ, что такъ какъ въ Цилли никакого духовенства, кромѣ римско-католическаго, нѣтъ, то Амвросій и не могъ быть напутствованъ передъ смертію греческимъ духовенствомъ: чтобы получить то же заключеніе, и Мельниковъ проситъ г. Козаркевича сказать, есть ли православное духовенство въ Цилли, смѣло разсчитывая получить отрицательный отвѣтъ. Но если и правду писалъ сынъ Амвросія, на котораго собственно ссылается Бриліантовъ, что кромѣ католиковъ въ Цилли не живетъ никого, если бы это же оказалось и по справкамъ г. Козаркевича, отсюда никакъ еще не можетъ слѣдовать, что, живя въ Цилли, Амвросій не могъ имѣть сношеній съ греческимъ духовенствомъ и что передъ смертію не могъ его напутствовать греческій священникъ. Цилли находится въ такомъ недалекомъ разстояніи отъ Тріеста (всего шесть часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ), что имѣть сношенія съ живущими здѣсь греками и греческимъ духовенствомъ по временамъ, и именно въ особыхъ случаяхъ, для Амвросія и его сына не представлялось затрудненій. Если даже тѣло Амвросія можно было перевезти изъ Цилли въ Тріестъ для погребенія на греческомъ кладбищѣ, то тѣмъ удобнѣе было греческому священнику пріѣхать изъ Тріеста въ Цилли по приглашенію

Амвросія для напутствованія его передъ смертію, а прежде, хоть однажды въ годъ, и самому Амвросію пріѣзжать въ Тріестъ для исповѣди и причастія у единовѣрныхъ ему греческихъ священниковъ. Итакъ, при несомнѣнномъ существованіи православнаго духовенства въ Тріестѣ Амвросій имѣлъ полную возможность и удобство находиться съ нимъ въ сношеніяхъ, и первый вопросъ Мельникова рѣшается не въ благопріятномъ для него смыслѣ. не можетъ дать никакихъ основаній къ сомнѣнію относительно Амвросіева возвращенія въ греческую церковь.

Второй вопросъ: „какое именно духовенство похороняло Амвросія: болгарское ли, греческое ли, или румынское?“ — даже не имѣетъ смысла и цѣли. Не все ли равно, какимъ духовенствомъ изъ трехъ названныхъ здѣсь, одинаково православныхъ, похороненъ Амвросій? Если Мельниковъ почему-либо имѣлъ здѣсь въ виду болгарскую распрю съ греками, о которой такъ любятъ говорить теперь раскольники, то вѣдь погребеніе Амвросія совершилось за девять лѣтъ до собора 1872 г., объявившаго болгаръ схизматиками и, значитъ, Амвросій во всякомъ случаѣ похороненъ былъ православнымъ духовенствомъ. И развѣ пріятнѣе было бы для старообрядцевъ, если бъ Амвросій похороненъ былъ духовенствомъ схизматическимъ? Вообще трудно понять, съ какою цѣлію данъ Мельниковымъ этотъ странный вопросъ.

Такого же отчасти характера и третій вопросъ: „когда Амвросій отрекся отъ старообрядчества, то къ какой церкви присоединился и какимъ архіереемъ принятъ?“ Къ какой церкви, т.-е. къ греческой, болгарской, или румынской? — спрашиваетъ Мельниковъ. Но не все ли равно для него и старообрядцевъ, къ какой бы изъ этихъ церквей ни присоединился Амвросій, такъ какъ всѣ онѣ одинаково православныя, и до смерти Амвросія даже болгарская церковь была въ общеніи съ греческою? Для нихъ должно быть важно собственно то, оставилъ ли Амвросій старообрядчество и возвратился ли въ православіе,—будетъ ли то

греческое, или какое иное. Интересно здѣсь собственно то, что Мельниковъ спрашиваетъ: „какимъ архіереемъ былъ принятъ“ Амвросій изъ раскола обратно въ церковь? Бриліантовъ настаивалъ только, что не извѣстно имя „того греческаго *священника*, который якобы (?) присоединялъ и причащалъ передъ смертію митрополита Амвросія“; а Мельниковъ, очевидно, подражая православнымъ, которые, въ доказательство незаконности принятія раскольниками Амвросія въ сущемъ его санѣ всегда указываютъ на то, что Амвросій у нихъ принятъ былъ не епископомъ, или соборомъ епископовъ, который могъ бы вручить ему пасству въ Бѣлой Криницѣ, а бѣглымъ попомъ Іеронимомъ, тоже спрашиваетъ теперь: какимъ *епископомъ* былъ принятъ Амвросій обратно въ православную церковь по удаленіи въ Цилли? Но развѣ Амвросій явился въ Цилли затѣмъ, чтобы быть здѣсь епископомъ, или митрополитомъ какой-нибудь православной паствы (какой въ Цилли и не существуетъ), которую долженъ былъ бы вручить ему именно православный епископъ, или соборъ православныхъ епископовъ, предварительно принявъ его изъ раскола и возстановивъ въ епископскомъ санѣ? Этого не было: не было надобности и въ епископѣ для принятія Амвросія. Онъ явился въ Цилли какъ ссыльный раскольническій митрополитъ, и могъ обратиться къ каждому православному священнику, чтобы исповѣдать предъ нимъ грѣхи свои, въ томъ числѣ и тяжкій грѣхъ измѣны православію. Сознавалъ ли Амвросій всю страшную тяжесть этого послѣдняго грѣха, равно какъ — понималъ ли ее и греческій священникъ, предъ которымъ приносилъ онъ исповѣдь? — это вопросы для насъ неудоборазрѣшимые. Согласно правиламъ церковнымъ, разрѣшеніе столь великаго грѣха, совершеннаго епископомъ, какъ измѣна православію и учрежденіе новой раскольнической іерархіи, священникъ могъ дать не иначе, какъ предварительно сообщивъ о томъ своему епископу. Было ли такъ поступлено, мы не знаемъ, и разумѣется, желательно бы имѣть о томъ свѣдѣніе. Но въ

томъ нельзя сомнѣваться, что Амвросій обращался къ греческому священнику, какъ духовнику, — иначе не могъ бы быть и похороненъ на православномъ греческомъ кладбищѣ. Живъ ли этотъ священникъ теперь, по прошествіи 35 лѣтъ отъ похоронъ Амвросія, или уже скончался, и не знаютъ ли другіе греческіе священники въ Тріестѣ исторіи Амвросія? — объ этомъ также интересно было бы навести справки, хотя бы, напр., тому же г. Козаркевичу, если имѣетъ возможность, и вообще лицу, достойному довѣрія, а не разнымъ Мельниковымъ и Бриліантовымъ.

Наконецъ, что̀ сказать о послѣднемъ вопросѣ Мельникова: „православнымъ, или раскольникомъ признаютъ Амвросія въ настоящее время церкви восточная, русская и буковинская?“. Вопросъ достойный вниманія, хотя въ сущности и не представляющій особенной важности. Важно собственно мнѣніе церкви объ основанной Амвросіемъ раскольнической іерархіи и о самомъ поступкѣ Амвросія, т.-е. о переходѣ его въ расколъ и учрежденіи у раскольниковъ особой, независимой отъ церкви іерархіи. Это же мнѣніе извѣстно вполнѣ и не подлежитъ прекословію: основанная Амвросіемъ іерархія признана церковію за незаконную, фальшивую, недѣйствительную; поступокъ его признанъ преступнымъ, подвергающимъ его, по силѣ церковныхъ каноновъ, извержению изъ сана. А затѣмъ, самая личность Амвросія и дальнѣйшая его судьба не представляютъ ни особаго интереса, ни значенія. Остался ли Амвросій въ расколѣ, или раскаялся и возвратился въ церковь, за нимъ навсегда останется въ лѣтописяхъ церковной исторіи позорное имя учредителя фальшивой раскольнической іерархіи, причинившей и причиняющей великій вредъ православной церкви. Если Амвросій, несомнѣнно бывшій на исповѣди у православнаго греческаго священника, получилъ отъ него законнымъ, правильнымъ порядкомъ прощеніе въ своемъ великомъ грѣхѣ и законно принятъ былъ въ лоно церкви (міряниномъ, или инокомъ, а не въ санѣ епископа), онъ долженъ считаться

несомнѣнно умершимъ въ православіи. А если бы сверхъ того онъ принялъ еще какія-либо мѣры къ заглажденію своего преступленія, если бы позаботился хоть объ ослабленіи зла, причиненнаго имъ церкви учрежденіемъ іерархіи у раскольниковъ (чего однакоже не сдѣлалъ), онъ могъ бы привлечь къ себѣ нѣкоторое чувство состраданія и соболѣзнованія со стороны православныхъ. Но тѣмъ не менѣе и тогда за нимъ осталось бы, какъ и остается, позорное имя учредителя этой іерархіи. Имѣя вполнѣ точное и опредѣленное понятіе о преступномъ дѣяніи Амвросія, объ его измѣнѣ православію и учрежденіи незаконной раскольнической іерархіи, и о самой этой іерархіи, православная россійская церковь не имѣетъ побужденій производить изслѣдованія о дальнѣйшей личной судьбѣ Амвросія и давать сужденіе объ его православіи, или неправославіи, — объявлять, православнымъ, или неправославнымъ признаетъ его въ настоящее время. Это изслѣдованіе и это сужденіе, если имѣется въ немъ надобность, есть ближайшая обязанность духовныхъ властей греческой церкви, отъ которой Амвросій бѣжалъ въ расколъ и священниками который былъ похороненъ потомъ на православномъ кладбищѣ въ Тріестѣ, — пусть къ нему и обращаются старообрядцы, имѣющіе такую надобность.

На свои вопросы Мельниковъ требуетъ у г. Козаркевича отвѣтовъ, такъ сказать, документальныхъ, основанныхъ на несомнѣнныхъ фактахъ. Онъ могъ бы получить такіе отвѣты и не обращаясь къ г. Козаркевичу. Есть очень хорошая книжка, составленная бывшимъ архидіакономъ Кирилла Бѣлокриницкаго, близко знавшимъ и Амвросія и его сына, извѣстнымъ игуменомъ Филаретомъ. „Былъ ли и остался ли вѣренъ старообрядчеству м. Амвросій“. Въ ней документально, фактически доказывается, что Амвросій, не скрывавшій и въ Бѣлой Криницѣ своего отвращенія отъ мнимаго старообрядчества, живя въ Цилли, поддерживалъ сношенія съ Бѣлой Криницей только ради исправнаго полученія оттуда ежегоднаго жалованья въ 500 чер-

вонцевъ, а отъ духовнаго общенія со старообрядцами всячески уклонялся, ни къ одному изъ пріѣзжавшихъ туда раскольническихъ архіереевъ и священниковъ не обращался съ просьбою о исповѣди и причастіи, а передъ смертію напутствованъ именно греческимъ священникомъ. Объ этомъ и о погребеніи его на греческомъ кладбищѣ въ Тріестѣ сынъ его извѣстилъ Кирилла телеграммою. Телеграмма, писанная по-нѣмецки, получена была въ Бѣлой Криницѣ 31 октября 1863 г., когда Филаретъ былъ въ отлучкѣ. Кириллъ далъ ее перевести жившему въ Бѣлой Криницѣ австрійскому чиновнику — Заркевичу, и узнавъ ея содержаніе, публично объявилъ липовонамъ, что Амвросій ушелъ опять въ „хохлы“, потому нельзя поминать его и молиться за него. И въ Бѣлой Криницѣ дѣйствительно не поминали Амвросія до самаго возвращенія Филарета, не менѣе четырехъ мѣсяцевъ. Съ крайнимъ огорченіемъ узнавъ объ этомъ по пріѣздѣ въ Бѣлую Криницу, Филаретъ объяснилъ Кириллу, какъ неосторожно поступилъ онъ, огласивъ телеграмму о исповѣди Амвросія передъ смертію у греческаго священника, убѣдилъ его уничтожить телеграмму и объявить, что чиновникъ будто бы неправильно перевелъ ее, а въ довершеніе всего издать ко всѣмъ старообрядцамъ извѣстительную грамоту о блаженной кончинѣ Амвросія, съ приглашеніемъ творить о немъ вѣчное поминовеніе. Самъ о. Филаретъ и сочинилъ эту извѣстительную грамоту, а Кириллъ подписалъ ее 26 февраля 1864 г., т.-е. именно спустя четыре мѣсяца по смерти Амвросія, — и это одно уже можетъ служить доказательствомъ фактической достовѣрности всего сообщаемаго отцомъ Филаретомъ въ его книжкѣ. И однако, несмотря наочевидную ея достовѣрность, г-да старообрядцы въ родѣ Мельниковыхъ и Бриліантовыхъ не хотятъ ей вѣрить на томъ единственно основаніи, что она составлена „отступникомъ“, — лицомъ, оставившимъ расколъ, сдѣлавшимся сыномъ православной церкви. Они не вѣрятъ, или не придаютъ значенія и тому несомнѣнному, документально

засвидѣтельствованному по ихъ же просьбѣ, факту, что Амвросій похороненъ въ Тріестѣ на греческомъ кладбищѣ и греческимъ духовенствомъ. Бриліантовъ утверждаетъ, что „это могло быть подобно тому, какъ русское духовенство, въ случаяхъ отсутствія священника подлежащаго (?) исповѣданія обязано творить погребеніе лицу неправославному“ *(Моск. Вѣд. № 42)*. Чѣмъ же наконецъ могутъ они „фактически“ удостовѣриться въ томъ, возвратился, или не возвратился Амвросій въ православную церковь передъ смертію? Остается именно то, что̀ мы сейчасъ указали, — остается обратиться за точными, документальными справками къ греческому духовному правительству. Вѣдь снаряжали же они цѣлыя экспедиціи на Востокъ для изслѣдованій по вопросу, какъ крещенъ былъ Амвросій, — трехпогружательно, или поливательно, — обращались недавно къ самому константинопольскому патріарху съ вопросомъ о запрещеніи, или незапрещеніи Амвросія: почему же не обратиться именно сюда за справками о томъ, возвратился ли Амвросій въ православіе, какимъ именно греческимъ священникомъ и по какому чину онъ принятъ былъ изъ раскола, и православнымъ, или неправославнымъ признается къ настоящее время. Если, какъ справедливо говоритъ Мельниковъ, вся нынѣшняя „затѣя“ раскольниковъ — перевезти тѣло Амвросія съ особыми почестями должна рушиться, какъ скоро окажется, что Амвросій умеръ православнымъ, отрекшись отъ старообрядчества, то имъ необходимо слѣдуетъ навести самыя точныя объ этомъ справки именно у греческаго духовнаго правительства, и къ этому нужно было приступить прежде всего, т. е. до подачи австрійскому правительству прошенія о дозволеніи перевезти Амвросіево тѣло изъ Тріеста въ Бѣлую Криницу. А теперь можетъ случиться такая непріятность: австрійское правительство, положимъ, дастъ согласіе на просьбу Аѳанасія; тѣло Амвросія будетъ перевезено изъ Тріеста, со всею торжественностію погребено въ Бѣлой Криницѣ, при чемъ, конечно, будетъ пущенъ слухъ, что оно ока-

залось нетлѣннымъ и отъ „мощей“ послѣдовали чудеса; затѣмъ получатся отъ патріарха константинопольскаго, или отъ другихъ греческихъ духовныхъ властей точныя, документальныя извѣстія, что въ Цилли Амвросій напутствованъ таинствами отъ греческаго православнаго священника, былъ принятъ въ церковное общеніе, умеръ и погребенъ какъ православный: что тогда дѣлать? Придется опять просить австрійское правительство, чтобы позволили возвратить тѣло Амвросія, какъ ненужное старообрядцамъ на старое мѣсто, въ Трiестъ, на здѣшнее греческое кладбище. И что если тогда правительство не только не исполнитъ просьбы липованскаго митрополита, но и сдѣлаетъ ему подобающее внушеніе за легкомыслiе и напрасное безпокойство, причиненное властямъ? Что тогда дѣлать старообрядцамъ съ тѣломъ Амвросія?

Но чѣмъ бы ни кончилась „затѣя“ раскольниковъ и какія ни получились бы справки о послѣдней судьбѣ Амвросія, за нимъ, повторимъ еще разъ, останется навсегда позорное имя греческаго митрополита, изъ корыстныхъ видовъ и частію по невѣжеству, т.-е. по совершенному незнанію, что̀ такое русскій старообрядческій расколъ, измѣнившаго православной церкви и причинившаго ей величайшій вредъ антиканоническимъ учрежденіемъ особой раскольнической іерархіи, такъ широко теперь распространившейся и питающей такую фанатическую ненависть къ православной церкви.

6. Рѣдкій образчикъ раскольнической безсовѣстности. — Нѣчто о Зыковѣ, Мельниковыхъ и Швецовѣ.

Въ одной изъ предыдущихъ лѣтописей (гл. 4) мы говорили между прочимъ объ изданной и распространяемой раскольниками тетрадкѣ, озаглавленной: „Показаніе о тѣлѣ Ѳеодосія Черниговскаго“. Тетрадка издана, какъ вѣроятно помнятъ читатели, отъ имени Владиміра Алексѣева Сѣдова, который вмѣстѣ съ двумя товарищами, Кудасовымъ и Володинымъ, ѣздилъ въ Черниговъ на торжество

открытія мощей святителя Ѳеодосія и собственноручно подписался подъ актомъ, въ коемъ всѣ они свидѣтельствовали, что „воистину увѣровали“ въ святость угодника Божія и убѣдились въ дѣйствительности нетлѣнія его мощей; а здѣсь, въ этой тетрадкѣ, утверждаетъ напротивъ, что не вѣритъ ни нетлѣнію мощей святителя, ни совершившимся при нихъ чудесамъ, и что возвратился изъ Чернигова еще болѣе убѣжденный въ неправотѣ грекороссійской церкви. Изложивъ кратко содержаніе тетрадки, мы спрашивали: гдѣ же правда? когда говорили ее раскольники, — тогда ли, какъ собственноручно подписывали извѣстный актъ въ Черниговѣ, или теперь, издавая свою тетрадку? „Въ примѣрѣ этомъ, — говорили мы въ заключеніе, — какъ нельзя лучше выразился характеръ нашихъ именуемыхъ старообрядцевъ, для которыхъ честность, искренность и справедливость — пустыя слова“. Между тѣмъ открылось совершенно неожиданное обстоятельство, побуждающее насъ сказать теперь, что на Владиміра Сѣдова это наше замѣчаніе не простирается, но зато получаетъ новую силу и убѣдительность въ приложеніи къ расколу вообще и къ его руководителямъ и покровителямъ въ особенности.

Вотъ что̀ писалъ намъ въ послѣднихъ числахъ мая почтенный владимірскій миссіонеръ Т. Н. Николаевъ.

„Прочитавши въ „Братскомъ Словѣ“ апрѣльскую „Лѣтопись“, я почувствовалъ сильное сердечное безпокойство, когда узналъ изъ нея, что бывшій очевидецъ мощей святителя Ѳеодосія Владиміръ Сѣдовъ съ товарищами не только отказался отъ подписаннаго имъ въ Черниговѣ акта, но и издалъ еще дерзкую тетрадку о мнимой ложности св. мощей и совершившихся при открытіи оныхъ чудесъ. Но вотъ 25 мая пришлось мнѣ вести бесѣду со старообрядцами въ селѣ Шиморскомъ (Меленковскаго у.), въ присутствіи мѣстныхъ священниковъ и священника Иверскаго монастыря о. Орлова, — того самаго, что̀ возилъ раскольниковъ въ Черниговъ. Слушателей было не менѣе 200 человѣкъ и въ числѣ ихъ находились ѣздившіе съ

о. Орловымъ въ Черниговъ старообрядцы — Владиміръ Сѣдовъ и Ѳедоръ Кудасовъ. На бесѣдѣ, когда водворился порядокъ, я попросилъ о. Орлова прочитать составленный въ Черниговѣ „актъ“, и по прочтеніи обратился къ Сѣдову съ такими словами: скажи намъ по совѣсти, справедливо ли написанное въ этомъ актѣ и по собственному ли желанію, безъ принужденія, вы подписались подъ нимъ. Сѣдовъ всталъ и во всеуслышаніе объявилъ, что подписали они актъ безъ всякаго принужденія и признаютъ тѣло святителя Ѳеодосія воистину нетлѣннымъ. То же подтвердилъ и Кудасовъ. Тогда я взялъ книжку „Братскаго Слова“ и прочиталъ изъ Лѣтописи, что̀ говорится въ изданной отъ имени Сѣдова раскольнической тетрадкѣ. Сѣдовъ былъ крайне удивленъ прочитаннымъ и публично съ клятвою объявилъ, что онъ ничего подобнаго не писалъ и никому не дозволялъ отъ своего имени писать такую возмутительную ложь. Кудасовъ также отрекся отъ тетрадки. Тогда и мы составили также актъ объ этомъ ихъ свидѣтельствѣ, что гнусная тетрадка написана и издана безъ ихъ участія и предложили имъ подписать. Сѣдовъ подписалъ его съ полной готовностью; Кудасовъ же хотѣлъ уклониться отъ подписи, ссылаясь на то, что все же онъ въ святость Ѳеодосія не вѣритъ и чудесъ отъ него не видалъ, а затѣмъ подписался подъ актомъ съ двусмысленною оговоркой: „я ложь не писалъ“.

Т. Н. Николаевъ сообщилъ намъ и копію упомянутаго акта, текстъ котораго приводимъ здѣсь вполнѣ [1]).

„1897 года, мая 25 дня, мы нижеподписавшіеся старообрядцы крестьяне деревни Борковки, Меленковскаго уѣзда уставщики: бѣглопоповскаго Владиміръ Алексѣевъ Сѣдовъ и поморскаго согласія Ѳедоръ Ермолаевъ Кудасовъ и безпоповецъ крестьянинъ деревни Песочной Андрей Кузьминъ Володинъ симъ свидѣтельствуемъ предъ Богомъ и людьми, что подписанный нами актъ въ г. Черниговѣ, есть непреложная истина, а вышедшее показаніе, писанное уставомъ, наполненное разными хулами на угодника Божія св. Ѳеодосія, отъ имени Владиміра Сѣдова есть ложь и клевета на насъ, и мы въ составленіи ея не участвовали, при-

[1]) Отъ о. Орлова мы получили и подлинный актъ, который, провѣривъ по оному копію, возвратили ему для храненія.

знавая таковую гнусную клевету измышленіемъ лукаваго, въ чемъ и подписуемся. Владиміръ Алексѣевъ Сѣдовъ. Я ложь не писалъ Ѳедоръ Кудасовъ. Андрей Володинъ.

Подписку отбиралъ возившій ихъ въ Черниговъ миссіонеръ, священникъ Владиміръ Орловъ. При семъ присутствовалъ приставъ 1-го стана Меленковскаго уѣзда М. Доброхотовъ.

Означенное показаніе дано вышеозначенными старообрядцами во время публичной бесѣды въ селѣ Шиморскомъ въ присутствіи мѣстныхъ священниковъ и миссіонеровъ при стеченіи двухъ сотъ народа.

Священникъ Іоаннъ Кедринъ.
Священникъ Василій Рождественскій.
Миссіонеръ Александро-Невскаго Братства Тимоѳей Николаевъ".

Итакъ, раскольническая гнусная тетрадка, изданная отъ имени бѣглопоповца Владиміра Сѣдова вовсе не принадлежитъ этому послѣднему, — онъ не только не писалъ и не издавалъ ничего подобнаго этой тетрадкѣ, но и не слыхалъ объ ней, пока на бесѣдѣ 25 мая не былъ ознакомленъ съ ея содержаніемъ, при чемъ и объявилъ во всеуслышаніе, что въ ней содержится ложь и клевета на него. Оказалось такимъ образомъ, что фанатическіе ревнители раскола, смущаемые извѣстіями о томъ, какое опасное для раскола впечатлѣніе произведено въ старообрядческомъ мірѣ недавнимъ открытіемъ мощей святителя Ѳеодосія и совершающимися при нихъ знаменіями и чудесами, чтобы ослабить это впечатлѣніе, не посовѣстились взвести клевету даже на своего собрата, сочинить и издать лживое сказаніе о мощахъ святителя Ѳеодосія отъ имени того самаго старообрядца, который вмѣстѣ съ другими былъ очевидцемъ ихъ открытія и о святости ихъ засвидѣтельствовалъ письменнымъ актомъ, обнародованіе котораго имѣло особенно благотворное для церкви дѣйствіе на старообрядцевъ. Кто виновникъ этого возмутительнаго подлога? Поведеніе Кудасова на бесѣдѣ 25 мая, его уклон-

чивость отъ подписки къ составленному тогда акту и двусмысленная оговорка при подписи внушаютъ подозрѣніе, что тетрадка издана не безъ участія этого безпоповщинскаго наставника, съ которымъ въ дружбѣ и единомысліи состоитъ извѣстный безпоповскій же лжеучитель Иванъ Зыковъ, видѣвшійся съ нимъ на пути его изъ Чернигова и распространявшій тогда, какъ мы говорили въ свое время, слухи, будто ѣздившіе въ Черниговъ старообрядцы возвратились нимало не увѣрившись въ нетлѣніи мощей св. Ѳеодосія и никакихъ чудесъ тамъ не видали. Этотъ Иванъ Зыковъ, по всей вѣроятности, и есть дѣйствительный виновникъ подлога, сочинитель и издатель гнусной тетрадки о мощахъ святителя Ѳеодосія, которую сочинилъ, быть можетъ, не безъ вѣдома своего единомышленника Кудасова, а выдалъ отъ имени совсѣмъ неповиннаго въ томъ старообрядца иного согласія — Владиміра Сѣдова. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Зыковъ извѣстенъ какъ соревнователь Бриліантова въ изданіи и распространеніи подпольныхъ раскольническихъ сочиненій, направленныхъ противъ церкви. Но кто бы изъ раскольниковъ ни былъ дѣйствительнымъ сочинителемъ и издателемъ подложной тетрадки, она служитъ именно доказательствомъ, что для фанатиковъ раскола, подобныхъ Зыкову, Мельникову, Бриліантову, „честность, искренность и справедливость пустыя слова“, чторади причиненія какого-либо вреда православной церкви они готовы на самое безчестное дѣло, на всякую ложь, клевету и подлогъ.

Безсовѣстная литературная поддѣлка, о которой мы сейчасъ говорили, составляя позорное для раскола явленіе, для насъ православныхъ представляетъ напротивъ не мало утѣшительнаго, — и не потому только, что со всею ясностію обличаетъ предъ всѣми, имѣющими очи видѣть, этотъ позорный характеръ раскола, на лжи основаннаго и ложью существующаго, обличаетъ въ особенности всю недобросовѣстность его дѣйствій относительно православ-

ной церкви, а потому главнымъ образомъ, что служитъ новымъ подтвержденіемъ того, какое сильное и благотворное вліяніе производятъ даже въ средѣ старообрядчества совершившіяся и совершающіяся знаменія благодати Божіей при нетлѣнныхъ мощахъ новопрославленнаго святителя россійской церкви, такъ ясно свидѣтельствующія о несомнѣнной истинности и неповрежденномъ православіи той церкви, въ которой онъ нѣкогда святительствовалъ и нынѣ чудодѣйствуетъ. Видно и въ самомъ дѣлѣ велико и сильно это вліяніе, и тяжкій ударъ наноситъ оно расколу, если ревнители и проповѣдники этого послѣдняго, разные Зыковы и Мельниковы, прибѣгаютъ даже къ самымъ возмутительнымъ средствамъ для противодѣйствія этому вліянію. Но трудно имъ противу рожна прати. Никакая ихъ ложь не въ силахъ побѣдить для всѣхъ очевидную истинность чудесныхъ знаменій при гробѣ новопрославленнаго святителя православной россійской церкви, доселѣ продолжающихся въ свидѣтельство ея несомнѣннаго православія и въ обличеніе лжи раскола. Достойно вниманія, что и союзникъ Зыкова — Кудасовъ, на бесѣдѣ 25 мая, особенно усиливался предъ толпою старообрядцевъ отвергнуть дѣйствительность чудесъ, совершившихся при открытіи мощей святителя Ѳеодосія, и приходилъ въ изступленіе, не зная что̀ отвѣтить, когда ему напоминали несомнѣнно бывшія чудеса, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, но, имѣя очи, покрытыя завѣсой раскола, не хотѣлъ видѣть и признать. Между прочимъ ему напомнили о исцѣленіи глухонѣмого 15-лѣтняго мальчика, о которомъ онъ вмѣстѣ съ другими наводилъ даже офиціальную справку и получилъ удостовѣреніе [1]). Но въ то время, какъ старообрядцы, не утратив-

[1]) Намъ доставленъ былъ въ подлинникѣ отвѣтъ, полученный на эту справку. Такъ какъ доселѣ онъ не былъ обнародованъ, то приводимъ его вполнѣ: „Отъ сельскаго старосты села Березовки Аѳанасія Алексѣевича Пушешникова господину сельскому старостѣ деревни Песочной Павлу Ивановичу Фотіеву. Я письмо ваше получилъ, и вы просите меня прислать вамъ извѣстіе объ Димитріи глухонѣмомъ,

шіе совѣсть, чутко прислушиваются къ извѣстіямъ о столь убѣдительныхъ свидѣтельствахъ неповрежденнаго православія и несомнѣнной святости грекороссійской церкви, сами вожди ихъ, ослѣпленные враждою противъ церкви, а иные и корыстію, не хотятъ ни видѣть ихъ, ни слышать объ нихъ, во исполненіе евангельскихъ словъ, сказанныхъ о подобныхъ имъ слѣпцахъ: *аще кто и изъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры*... Нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно постигнетъ ихъ судъ Божій; а иногда постигаетъ и земное правосудіе. Имѣемъ извѣстіе, что гроза земнаго правосудія собирается надъ главными распространителями всякой лжи и клеветъ на православную церковь, всячески поносившими и новопрославленнаго святителя Ѳеодосія, — надъ семействомъ извѣстнаго заграничнаго газетчика Мельникова.

Какъ ни прославлялъ бѣглецъ Мельниковъ свободную жизнь за границей, куда приглашалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, какъ ни удобно казалось ему издавать тамъ

то это правильно есть. У проживающаго въ моемъ селѣ Березовкѣ мѣщанина Григорія Васильева Михалевскаго есть сынъ Димитрій 15 лѣтъ, съ которымъ онъ былъ въ губерніи Черниговѣ 9 сентября на открытіи угодника Божія Ѳеодосія, правильно получилъ исцѣленіе. По разсказамъ его отца, когда пріѣхали въ губернію Черниговъ и пришли ко святымъ мощамъ угодника Божія Ѳеодосія и когда приложились и вышли изъ пещеры, то сей Димитрій милостію Божіею и молитвами угодника Ѳеодосія правильно проговорилъ: гдѣ бабушка (которая ѣздила съ ними)? И народъ на это обратилъ вниманіе и начали его спрашивать, какъ тебя звать. Онъ самъ могъ правильно сказать: Митя. И начали показывать ему деньги 15 коп., 3 коп., 2 коп., и онъ правильно высказалъ. Затѣмъ правильно можетъ сказать: папаша, мамаша, куда поѣдемъ. Затѣмъ, такое чудо, что отроду никѣмъ не ученъ въ грамотѣ, можетъ читать номера 1, 2, 3, 4, 5 и до десяти цыфровъ, такъ что уже много прибавляетъ говорить: давайте обѣдать, или чай пить, и кого какъ звать, онъ можетъ назвать. И затѣмъ я сельскій староста села Березовки могу удостовѣрить своеручной подписью.

Аѳанасій Алексѣевъ Пушишниковъ.

21 окт. 1896 г.

свое лживое „Слово правды“, наполняя его возмутительнѣйшими клеветами на православную церковь и ея защитниковъ, однако почему-то онъ задумалъ перенести свою газетную и типографскую дѣятельность въ предѣлы отечества, куда, очевидно, и самъ намѣренъ былъ возвратиться, подъ кровомъ продажной и купленной раскольниками мѣстной полиціи нимало не опасаясь кары закона за свое бѣгство и за прочія преступленія. Объ этомъ замыслѣ онъ велъ дѣятельную переписку съ братомъ Васильемъ и съ отцомъ, которые, разумѣется, вполнѣ ему сочувствовали и приложили всѣ заботы о томъ, чтобы въ Новозыбковѣ, гдѣ у Ѳеима Мельникова построенъ обширный домъ съ разными секретными помѣщеніями, ходами и выходами, вполнѣ обезпеченными отъ всякихъ случайностей сосѣдствомъ съ его другомъ и благодѣтелемъ — мѣстнымъ исправникомъ, или въ одной изъ черниговскихъ слободъ, поставить типографскіе станки для печатанія въ большихъ размѣрахъ и газеты и цѣлыхъ книгъ въ защиту раскола, такъ что не было бы нужды и въ гектографѣ, а г-да Швецовы и Бриліантовы съ компаніей могли бы пользоваться хорошимъ типографскимъ шрифтомъ для своихъ издѣлій и распространять ихъ еще въ большемъ количествѣ на поддержаніе раскола и во вредъ церкви. За капиталами, потребными для заведенія типографіи, дѣло разумѣется не остановилось, — станки и шрифты были пріобрѣтены, и о всемъ этомъ братъ Василій акуратно извѣщалъ брата Ѳедора за границу. Благодѣтельный сосѣдъ (польскаго происхожденія), конечно, о всемъ этомъ зналъ и всему этому покровительствовалъ. Но объ этомъ узнали кое-кто и повыше новозыбковскаго властителя. Невѣдомо для него и даже прямо съ устраненіемъ его отъ всякаго участія въ дѣлѣ, явившаяся высшая власть произвела внезапный обыскъ въ домѣ Ѳеима Мельникова. Станки и шрифтъ, здѣсь ли въ потаенныхъ закоулкахъ, или у кого другаго, были такъ искусно помѣщены, что не могли быть найдены при обыскѣ; но переписка Ѳедора

Мельникова съ Васильемъ по дѣлу о типографіи и другимъ, компрометирующимъ этого послѣдняго, попала въ руки правительства, и Василій Мельниковъ немедленно былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму, въ одиночную камеру. Это было въ самомъ началѣ іюня. Еѳимъ Мельниковъ съ помощію своихъ богатыхъ покровителей — раскольниковъ, немедленно извѣщенныхъ о постигшемъ Василья заключеніи, предлагалъ какія угодно деньги для освобожденія его на поруки; но хлопоталъ безуспѣшно. Мало того, — узнавъ, что и самому, какъ близко замѣшанному въ дѣло, угрожаетъ также арестъ, 17 іюня внезапно скрылся изъ Новозыбкова. Куда бѣжалъ онъ, не извѣстно; но можно догадываться, что направилъ стопы поближе къ заграницѣ. Вскорѣ послѣ этого сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Измаилъ, быть можетъ, именно для свиданія и совѣщаній съ отцомъ, пріѣхалъ и Ѳедоръ Мельниковъ, что здѣсь онъ также арестованъ и этапнымъ порядкомъ препровожденъ въ Черниговъ.

Итакъ надъ всей этой семьей отчаяннѣйшихъ ругателей церкви, причинявшихъ ей столько вреда своей преступной дѣятельностью, скопилась гроза давно заслуженной законной кары. Но разразится ли гроза? постигнетъ ли Мельниковыхъ заслуженная ими кара? — это еще вопросъ, и печальный опытъ прошедшаго, когда они и подобные имъ раскольническіе дѣятели выходили сухи изъ воды, не смотря на явныя улики въ преступленіяхъ получали полное оправданіе отъ милостивыхъ къ нимъ (но правосудныхъ ли?) судей, — этотъ печальный опытъ внушаетъ невольное опасеніе, что и теперь гроза минуетъ эти преступныя головы. Мы слышали уже, что положеніе Василья Мельникова въ одиночномъ заключеніи значительно облегчено, — къ нему имѣютъ доступъ и родные и пріятели, а извѣстные богачи, покровители раскола, и черниговскіе, и московскіе, не щадя своихъ капиталовъ уже хлопочутъ за преступныхъ, но драгоцѣнныхъ имъ, ругателей православной церкви предъ сильными и высокими особами и въ Черниговѣ, и въ Кіевѣ, и въ Петербургѣ. А для иныхъ

высокихъ особъ и кіевскихъ, и московскихъ, и петербургскихъ расколъ дороже и любезнѣе православія, большинство же не знаютъ и различія между расколомъ и православіемъ. Какъ же этимъ особамъ не оказать благосклонности къ такимъ добрымъ, щедрымъ и благотворительнымъ ходатаямъ за расколъ, какъ разные Гусевы, Морозовы и имъ подобные?...

Вотъ и еще тревожный признакъ. Не знаемъ, въ связи ли съ черниговскими событіями, или независимо отъ нихъ, учитель и руководитель Мельниковыхъ во всѣхъ ихъ замыслахъ противъ церкви — Онисимъ Швецовъ въ своемъ безводненскомъ скиту былъ также потревоженъ властями,— скитъ былъ запечатанъ какъ незаконно открытый и сдѣлавшійся центромъ вредной раскольнической пропаганды. Гроза правительственной кары собралась повидимому и надъ этимъ главнымъ лжеучителемъ раскола съ его раскольнической академіей и можно было ожидать, что она дѣйствительно разразится, такъ какъ, по милости Божіей, нѣтъ уже въ нижегородской области диктатора, такъ властно покровительствовавшаго расколу, содѣйствовавшаго его процвѣтанію тамъ и этимъ причинившаго большой вредъ православной церкви. Этого однако не случилось, и горе Швецова уже размыкано: свыше послѣдовало распоряженіе — распечатать безводненскій скитъ, въ который и возвратились его обитатели, чтобы продолжать еще съ большей смѣлостью свою преступную дѣятельность. Ходатайство богачей-раскольниковъ и здѣсь сдѣлало свое дѣло. Какъ же не имѣть ему успѣха и въ новомъ дѣлѣ Мельниковыхъ!

Да, мало надежды на земное правосудіе по дѣламъ раскола въ наше печальное время, столь равнодушное къ интересамъ вѣры и церкви, даже столь враждебное имъ и у насъ на святой Руси, особенно въ сферахъ такъ называемой интеллигенціи, въ рукахъ которой и находятся вѣсы правосудія. Зато несомнѣнна надежда, что рано или поздно, здѣсь или тамъ, постигнетъ судъ Божій всѣхъ

враговъ православія, не только съ свойственной расколу злобою отверзшихъ уста свои на хуленіе церкви Христовой, ея служителей изащитниковъ, даже на святыхъ ея, но и тѣхъ князей и сыновъ человѣческихъ, на которыхъ надѣются эти хулители, какъ своихъ готовыхъ покровителей. *Не надѣйтеся на князи, на сыны человѣческія, въ нихже нѣсть спасенія... Упованіе* наше *на Господа Бога* нашего...

7. Конецъ дѣла о перенесеніи Амвросіева праха. — Новый достойный защитникъ австрійскаго лжесвященства, выставленный Шведовымъ.

Прошлый разъ мы показали, къ какому возмутительному средству не задумались прибѣгнуть ревнители раскола, чтобы ослабить смутившее ихъ благотворное вліяніе, производимое даже въ средѣ старообрядчества столь яснымъ свидѣтельствомъ о православіи грекороссійской церкви, какъ прославленіе святителя Ѳеодосія и обиліе исцѣленій, совершающихся при его мощахъ; мы раскрыли именно возмутительный подлогъ съ этою цѣлью сочиненной и распространяемой ими тетрадки, въ которой будто бы одинъ изъ старообрядцевъ, ѣздившихъ въ Черниговъ на открытіе мощей святителя, свидѣтельствуетъ о ложности и мощей и чудесъ, при нихъ совершившихся, тогда какъ этотъ старообрядецъ, по его собственному, публично сдѣланному признанію, ничего подобнаго не писалъ и не думалъ писать. Теперь, когда подлогъ этотъ гласно обличенъ, онъ только принесъ старообрядцамъ плодъ по роду своему — стыдъ и позоръ, показавъ, что не имѣя чѣмъ защитить расколъ они прибѣгаютъ для его защиты ко всякой лжи, не гнушаясь и подлоговъ.

Все съ тою же цѣлію — ослабить значеніе недавняго торжества православной церкви и вмѣстѣ подкрѣпить свою новоучрежденную іерархію, старообрядцы по австрійскому священству, какъ извѣстно уже, задумали перенесеніе

Амвросіева праха изъ Цилли въ Бѣлую-Криницу, съ намѣреніемъ — объявить его потомъ нетлѣнно почивающимъ. На сей разъ мы положительно можемъ сказать, что и эта затѣя, въ которой приняли участіе вліятельнѣйшіе изъ раскольниковъ австрійскаго согласія, начиная съ Арсенія Морозова, Швецова и Смирнова съ компаніей, — что и эта лукавая затѣя кончилась полной неудачей для раскольниковъ. Отъ нихъ шли и распространялись слухи, что великое для раскола торжество перенесенія „мощей“ Амвросія даже будто бы совершилось уже въ Бѣлой-Криницѣ, для чего нарочито ѣздилъ туда самъ г. Морозовъ; но присланныя нашимъ буковинскимъ корреспондентомъ точныя извѣстія несомнѣнно удостовѣряютъ, что отъ австрійскаго правительства послѣдовалъ, какъ мы и надѣялись, рѣшительный отказъ на офиціально поданную, извѣстную нашимъ читателямъ, просьбу лжемитрополита Аѳанасія о перенесеніи Амвросіева праха въ Бѣлую-Криницу, и, что̀ любопытно, отказъ послѣдовалъ краткій и рѣшительный, безъ всякихъ объясненій, безъ указанія вызвавшихъ оный основаній, которыя, очевидно, считалось излишнимъ и приводить.

Итакъ ни лукавство, ни подлогъ на этотъ разъ не помогли раскольникамъ въ ихъ замыслахъ противъ св. церкви, въ ихъ стараніяхъ оправдать и прославить свою мнимую церковь. Лукавство и подлогъ — это дѣйствія духа лжи, иже во истинѣ не стоитъ, и старообрядцы не гнушаются прибѣгать къ такимъ дѣйствіямъ. Но не довольствуясь и этимъ, они рѣшились, наконецъ, самого духа лжи — діавола лично выставить свидѣтелемъ въ защиту ихъ церкви и іерархіи. Вы не вѣрите, читатель? Но это правда. Недавно явилась и распространяется отпечатанная на гектографѣ раскольническая тетрадка, содержащая „Разсказъ священника старообрядствующей іерархіи Нижегородской губерніи и уѣзда, села Спирина, Алексѣя Сергѣевича Старкова, который *разспрашивалъ духа лукаваго*“ и объ австрійской іерархіи, и объ церкви никоніанской, объ единовѣр-

цахъ, о безпоповцахъ, о противуокружникахъ, и которому „духъ лукавый“ именно объявилъ, что истинную церковь составляютъ только старообрядцы, пріемлющіе австрійскую іерархію. Вотъ какого, наконецъ, свидѣтеля въ свою защиту нашли и представили старообрядцы! При всей своей нелѣпости и дикости, эта раскольническая тетрадка очень любопытна для характеристики нашихъ старообрядцевъ, и потому не излишнее познакомить съ нею читателей.

Упомянутый Алексѣй Старковъ, на второй годъ по своемъ поставленіи въ званіе раскольническаго попа, „отчитывалъ“ бѣсноватую женщину, свою духовную дочь, и въ это время имѣлъ будто бы бесѣду съ обитавшими въ ней двумя бѣсами, которая и изложена въ тетрадкѣ. Когда онъ читалъ заклинательную молитву, и бѣсноватая „сильно стонала и охала“, Старковъ спросилъ бѣса:

— Что̀, или это не любишь?
Бѣсъ отвѣтилъ: тебя не люблю и вашу вѣру не люблю.

Затѣмъ идетъ слѣдующій разговоръ раскольническаго попа съ бѣсомъ, который приводимъ буквально, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ничтожныхъ частностей.

Попъ: Такъ ты теперь боишься меня?
Бѣсъ: Да, боюсь.
— Почему же боишься?
— На тебѣ что-то есть.
— Стало-быть ты видишь священную хиротонію?
— Да.
— А знаешь ли ты нашего митрополита Амвросія?
— Какъ же, знаю. На немъ теперь вѣнецъ. Онъ на небесахъ.
— А гдѣ теперь Антоній, первый московскій старообрядческій архіепископъ?
— И онъ на небесахъ.
— Стало-быть мы истинные священники?
— А если бы вы не были истинные священники, такъ развѣ сталъ бы я бояться тебя и тебѣ все сказывать.
— А боитесь ли вы нашихъ таинствъ?
— Бѣды, какъ боимся!

— Ходите ли вы въ олтарь?
— Нѣтъ, и близко подходить къ нему мы не можемъ.
— Такъ стало-быть наша вѣра есть самая истинная?
— Да; мнѣ какъ не хотѣлось въ эту вѣру! Это вѣдь все ты разыскалъ [1]).
— А боитесь ли вы россійскихъ поповъ?
— Не боимся.
— А боитесь ли ихъ таинствъ?
— Есть маленько въ крещеніи, а въ прочихъ не боимся.
— А боитесь ли вы безпоповцевъ, когда они молятся Богу?
— Нисколько ихъ не боимся, и когда они молятся, такъ между ихъ снуемъ, да выйдемъ на волю, да ха, ха, ха!
— Да какъ же вы не боитесь ихъ? Они такъ же молятся Богу [2]).
— Да что что они молятся Богу, но Богъ отъ нихъ плачетъ.
— А на крещеніе ихъ посылается ли ангелъ-хранитель?
— Нѣтъ, какой ангелъ! Тутъ бываемъ только мы.

Вскорѣ послѣ этого разговорчивый бѣсъ былъ выгнанъ Старковымъ изъ женщины [3]); но въ ней остался еще одинъ, съ которымъ Старковъ имѣлъ между прочимъ слѣдующій разговоръ. — Онъ спросилъ бѣса:

— Знаешь ли ты московскаго патріарха Никона?
— Какъ же не знать! отвѣтилъ бѣсъ.
— Гдѣ онъ теперь?
— Знамо гдѣ, — тамъ у насъ сидитъ.
— А гдѣ Арій еретикъ?
— Тамъ же, у насъ, съ нимъ.
— Который изъ нихъ горше?
— Никонъ горше; да все равно.
— А гдѣ теперь Павелъ епископъ Коломенскій, котораго билъ Никонъ на соборѣ [4])?

---

[1]) Издатель тетрадки въ объясненіе этого говоритъ: „И дѣйствительно, этотъ священникъ почти первый въ ихъ мѣстности обратился къ бѣлокриницкому священству". Любопытно, что бѣсъ говоритъ: „мнѣ не хотѣлось въ эту вѣру". Значитъ, и онъ по австрійскому священству...

[2]) Т.-е. слагаютъ персты двуперстно,— такъ же, какъ и австрійскіе поповцы. Вопросъ основательный.

[3]) Любопытно, что бѣсъ говорилъ при этомъ: „гдѣ же я выйду? У васъ затворены двери". И попъ велѣлъ отворить для него дверь.

[4]) Вотъ тутъ всезнающій бѣсъ могъ бы замѣтить Старкову, что

— Онъ не у насъ; онъ на небесахъ.

— А гдѣ же Антоній, первый старообрядческій московскій архіепископъ?

— Онъ тамъ же на небесахъ, вмѣстѣ съ епископомъ Павломъ [1]).

— Навѣрно ты врешь?

— Здѣсь мнѣ нельзя врать!

— Какъ же ты сказалъ и про митрополита Амвросія, что и онъ святой и на немъ вѣнецъ? А вѣдь онъ былъ еретикъ [2]).

— Когда онъ былъ еретикъ, мы къ нему подходили; а когда онъ обратился, тогда намъ нельзя стало подходить къ нему.

— Какъ же насъ и сейчасъ укоряютъ безпоповцы, что онъ былъ еретикъ?

— Этому мы научаемъ ихъ, чтобы люди не шли въ вашу вѣру.

— Такъ стало-быть наша вѣра только одна есть истинная вѣра?

— Да, только одна.

— Такъ спасутся только въ нашей вѣрѣ?

— Да, только въ вашей, да и то не всѣ.

— А спасутся ли единовѣрцы? — они такъ же молятся Богу, какъ и мы.

— Да, и у нихъ хорошо; только одно губитъ.

— Да что же губитъ ихъ?

— Епископы.

— А спасутся ли бѣглопоповцы и противуокружники? Они одинаковы съ нами.

— Да, у нихъ истинно, какъ и у васъ; только за гордость они погибнутъ.

Наконецъ раскольническій попъ даетъ бѣсу слѣдующій вопросъ:

Никонъ на соборѣ не былъ Павла, что эту ложь сочинилъ на него, по ихъ бѣсовскому совѣту, Павелъ бѣлокриницкій.

[1]) Итакъ, о пребываніи Антонія на небесахъ засвидѣтельствовали даже два бѣса.

[2]) Здѣсь или самъ Старковъ, или издатель его разсказа сдѣлалъ очевидный промахъ: о прославленіи Амвросія говорилъ Старкову первый бѣсъ, а второго онъ доселѣ не спрашивалъ объ Амвросіи, что этотъ второй бѣсъ и могъ бы ему замѣтить, т.-е. обличить его самого во лжи.

Въ прошедшемъ году публиковали въ газетахъ, что у насъ есть фальшивыя мощи Дады, Гаведдая и Каздои,— ты знаешь ли ихъ?

— Какъ же, знаю.

— Такъ что же?— Въ самомъ дѣлѣ онѣ фальшивы, или истинны?

— Истинны.

— Какъ же объ нихъ говорятъ, что это засохшіе трупы черкесовъ?

— Это говорить все мы научаемъ. Намъ чего-нибудь да говорить про васъ. Мы только и стараемся о томъ, чтобы людей отклонять отъ вашей вѣры.

— Какъ же на бесѣдахъ иногда очень жестоко ругаютъ насъ безпоповцы и миссіонеры грекороссійской церкви?

— Это все мы возбуждаемъ ихъ къ этому.

Итакъ, два бѣса рѣшили старообрядцамъ австрійскаго согласія существеннѣйшіе для нихъ вопросы вѣры и упованія. Теперь, имѣя такихъ авторитетныхъ свидѣтелей, они могутъ быть вполнѣ увѣрены, что ихъ вѣра, и только она одна, есть истинная вѣра, что ихъ владыки Амвросій и Антоній, вмѣстѣ съ Павломъ Коломенскимъ, обитаютъ на небесахъ, увѣнчанные славою, а Никонъ вмѣстѣ съ Аріемъ пребываетъ въ адскихъ мукахъ, что только ихъ священство и только у нихъ совершаемыя таинства — истинное священство и истинныя таинства, что только они одни несомнѣнно спасутся, а „никоніане“ и безпоповцы неизбѣжно погибнутъ, а также и единовѣрцы съ бѣглопоповцами и неокружниками имѣютъ мало надежды на спасеніе! Теперь они могутъ быть увѣрены, что найденные на Кавказѣ трупы несомнѣнно мощи персидскихъ мучениковъ, и что мы, по бѣсовскому наученію, отвергаемъ ихъ подлинность и по бѣсовскому же наученію дѣйствуютъ миссіонеры россійской церкви! О всемъ этомъ сказали сами бѣсы раскольническому попу: что же можетъ быть достовѣрнѣе? Вообще, эта тетрадка, излагающая бесѣду раскольническаго попа съ двумя бѣсами, представляетъ такой примѣчательный образчикъ господствующаго въ

старообрядчествѣ просвѣщенія и благочестія, что мы желали бы обратить на нее особое вниманіе нашихъ цивилизованныхъ радѣтелей раскола — г-на Суворина, кн. Ухтомскаго и др.[1]).

Скажутъ: „Мало ли что придетъ въ голову, или представится разстроенному воображенію какого-нибудь невѣжественнаго раскольническаго попа! Можно ли придавать его, очевидно, дикому разсказу общее значеніе, — дѣлать изъ него заключеніе о всемъ старообрядчествѣ? Вотъ если бы этотъ дикій разсказъ былъ признанъ истиннымъ и имѣющимъ значеніе отъ кого-либо изъ лучшихъ и авторитетныхъ представителей старообрядчества, тогда можно было бы дѣйствительно видѣть въ немъ явленіе, характеризующее вообще старообрядцевъ австрійскаго согласія". Такъ. Но въ томъ-то и дѣло, потому именно и важенъ для насъ дикій разсказъ лжепопа Старкова, что онъ изложенъ, изданъ и подтвержденъ, какъ вполнѣ достовѣрный, авторитетнѣйшимъ въ австрійскомъ расколѣ лицомъ, главнымъ его вѣроучителемъ, самимъ пресловутымъ „священноинокомъ Арсеніемъ", т.-е. Онисимомъ Швецовымъ. На концѣ тетрадки имѣется слѣдующая подпись: „Написаны сіи отвѣты нечистаго духа со словъ священника, говорившаго съ нимъ, священноинокомъ Арсеніемъ въ августѣ 1896 года". Итакъ бѣсы, какъ свидѣтели въ защиту раскола, съ полнымъ довѣріемъ пріемлются даже первымъ богословомъ раскола, учителемъ и руководителемъ наилучшихъ нынѣшнихъ раскольническихъ литераторовъ — Мельникова, Механикова, Усова и пр. Что же сказать объ рядовыхъ раскольникахъ, о всей темной раскольнической средѣ? Швецовъ отлично знаетъ эту темную среду, потому самъ записалъ, издалъ и пустилъ въ обращеніе среди старообрядцевъ эту невѣжественную, дикую бесѣду попа съ двумя бѣсами, въ пол-

[1]) Нужно замѣтить, что мы еще не привели наиболѣе невѣжественныхъ подробностей этой куріозной бесѣды, а выбрали только болѣе существенныя.

ной увѣренности, что свидѣтельству бѣсовъ они повѣрятъ всего больше и всего скорѣе. Притомъ г-нъ Швецовъ, по обычаю, сопроводилъ бесѣду своего попа съ бѣсами предисловіемъ, въ которомъ именно убѣждаетъ своихъ читателей, что имъ слѣдуетъ принять отвѣтъ бѣсовъ съ довѣріемъ, нимало не сумняся, какъ настоящую истину. Онъ говоритъ:

„Иногда и діаволъ, утѣсняемый отъ силы Божія, говоритъ истину, какъ онъ Христа называлъ Іисусомъ Сыномъ Божіимъ (Мат. 8, 29; Луки 8, 24). Поэтому... сказанное какъ-либо онымъ въ согласность сущей истинѣ иногда принимается въ соображеніе, какъ мы знаемъ, что древніе отцы и укоряли аріанъ, что они въ исповѣданіи Христа Сыномъ Божіимъ нечествовали хуже бѣсовъ, называющихъ Его Сыномъ Божіимъ. Почему и *святые отцы иногда записывали* нѣкіе разсказы бѣсовъ для вѣдѣнія и прочей братіи, какъ это видится въ Азбучномъ Патерикѣ и въ 43 словѣ у Никона Черной горы отъ житія Епифанія Кипрскаго, и какъ это оглашаетъ въ настоящее время грекороссійская церковь во Аѳонскомъ листкѣ, № 43, подъ заглавіемъ „Сколько козней у дьявола“. Послѣдующе сему и мы заблагоразсудили огласить разсказъ священника старообрядствующей церкви (такого-то), который разспрашивалъ духа лукаваго“.

Такъ г-нъ Швецовъ убѣждаетъ своихъ читателей вѣрить отвѣтамъ „духа лукаваго“, допрошеннаго (и столь искусно) „священникомъ старообрядствующей церкви“, очевидно, вѣря и самъ этимъ забавнымъ отвѣтамъ. При этомъ онъ сослался даже на примѣръ святыхъ отцовъ. Но мы напомнимъ ему очень полезное въ данномъ случаѣ для него и для его читателей мудрое разсужденіе великаго вселенскаго учителя о томъ, можно ли довѣрять демонамъ даже и въ томъ случаѣ, когда они говорятъ повидимому истину. „Я не вѣрю словамъ демоновъ, — разсуждаетъ св. Златоустъ, — именно потому, что говорятъ это демоны. *Они обманываютъ внимающихъ имъ.* По этой причинѣ и Павелъ повелѣлъ демону молчать, хотя онъ говорилъ и правду, чтобъ

онъ не обратилъ этой правды въ поводъ, не подмѣсилъ впослѣдствіи къ ней лжи, и не привлекъ къ себѣ довѣренности. Діаволъ говорилъ: *сіи человѣцы раби Бога вышняго суть, иже возвѣщаютъ намъ путь спасенія* (Дѣян. 16—17). Апостолъ, огорчась этимъ, повелѣлъ пытливому духу выйти изъ дѣвицы. И что жъ говорилъ духъ худого, когда говорилъ: *сіи человѣцы раби Бога вышняго суть?* Но такъ какъ большинство незнающихъ не можетъ основательно судить о томъ, что̀ говорится демонами, Апостолъ рѣшительно отвергъ всякую довѣренность къ нимъ. Ты принадлежишь къ числу отверженныхъ, говоритъ Апостолъ демону: ты не имѣешь права говорить свободно; умолкни, онѣмѣй! Не твое дѣло проповѣдывать: это предоставлено Апостоламъ. Зачѣмъ похищаешь не твое? Умолкни, отверженный! Такъ и Христосъ, когда демоны говорили Ему: *вѣмы тя, кто еси* (Луки 5, 34), очень строго воспретилъ имъ, предписывая этимъ законъ намъ, чтобы мы *ни подъ какимъ предлогомъ не довѣряли демону, еслибъ даже онъ говорилъ что̀ и справедливое. Зная это, мы должны ни въ чемъ рѣшительно не вѣрить демону. Если онъ будетъ говорить что̀ и справедливое, — бѣжимъ, отвратимся отъ него. Здравымъ и спасительнымъ познаніямъ мы должны научаться не отъ демоновъ, но изъ божественнаго писанія*“ (2 бес. о нищемъ Лазарѣ и о богатомъ). „Изъ божественнаго писанія“ слѣдуетъ почерпать особенно „познаніе“ истинной вѣры и истинной церкви Христовой, какъ учитъ и уважаемая старообрядцами Книга о вѣрѣ: „иже правость вѣры хотятъ познати, кромѣ божественнаго писанія имѣти (сіе познаніе) не могутъ“ (гл. 23). А г-нъ Швецовъ, истый представитель австрійскаго раскола, ищетъ познанія своей вѣры, церкви и священства въ отвѣтахъ „духа лукаваго“, которымъ вѣрить приглашаетъ и всѣхъ старообрядцевъ!

Раскольническій попъ, бесѣдующій съ бѣсами и получающій отъ нихъ рѣшеніе важнѣйшихъ для раскола вопросовъ, авторитетный раскольническій учитель, съ довѣріемъ принявшій бѣсовскіе отвѣты, изложившій и издавшій ихъ

въ назиданіе старообрядцамъ, въ вящшее утвержденіе между ними вражды къ православію, — все это именно явленія, характеризующія расколъ, обличающія господствующій въ немъ мракъ, грубое невѣжество и суевѣріе. А г-нъ Швецовъ изданіемъ „отвѣтовъ лукаваго духа“ стяжалъ себѣ еще новую славу, совершилъ еще новый подвигъ на пользу австрійскаго раскола и его іерархіи, — отыскалъ новаго ихъ защитника въ лицѣ „духа лукаваго“, въ лицѣ двухъ мелкихъ бѣсовъ, откровенно бесѣдовавшихъ съ австрійскимъ попомъ!..

Еще нѣчто о Мельниковыхъ. — Нѣкоторыя новости въ австрійской іерархіи.

Наша „Лѣтопись“, содержащая краткія извѣстія объ арестѣ братьевъ Мельниковыхъ (гл. 6), вызвала протестъ со стороны двухъ упоминаемыхъ въ ней лицъ — г-на новозыбковскаго исправника Фальковскаго и самого родителя арестованныхъ, лжепопа Еѳима Мельникова: во имя закона и справедливости они потребовали отъ насъ — напечатать присланныя ими опроверженія якобы сказанной объ нихъ неправды. Повинуясь закону и дорожа истиной, мы напечатали эти „опроверженія“, хотя видѣли и показали ихъ слабость и несостоятельность. Притомъ, они вовсе не опровергаютъ главнаго, о чемъ говорилось въ лѣтописи, — т.-е. извѣстія объ арестѣ двухъ, столь извѣстныхъ теперь въ расколѣ дѣятелей — Василія и Ѳедора Мельниковыхъ, напротивъ, даже подтверждаютъ косвенно справедливость этого извѣстія. Съ своей стороны мы можемъ прибавить теперь нѣкоторыя подробности объ арестѣ послѣдняго. Несомнѣнно, его взяли въ Измаилѣ, куда онъ прибылъ, имѣя повидимому намѣреніе пробраться и далѣе въ глубь Россіи, можетъ быть, до самой Москвы, для совѣщаній съ главарями раскола о какихъ-то очень широкихъ планахъ относительно признанія правительствомъ австрійской іерархіи по крайней мѣрѣ наравнѣ съ инославными, и относительно новыхъ, удобнѣйшихъ способовъ литера-

турной борьбы съ православной церковью. Ближайшею же цѣлію его смѣлаго появленія въ предѣлахъ Россіи было — доставленіе сюда для повсюднаго распространенія готовыхъ уже произведеній его заграничнаго типографскаго станка. По словамъ одного изъ нашихъ бессарабскихъ корреспондентовъ, при немъ найдено и арестовано болѣе семи пудовъ заграничнаго печатнаго товара, а по словамъ другого взято именно до 3000 экземпляровъ его заграничной газеты, именуемой „Слово правды“, и до 1500 экз. новой напечатанной имъ книги, имѣющей къ удивленію знакомое въ нашей литературѣ названіе: „Современные церковные вопросы“. Мы не видали пока этой книги но она уже появилась въ Москвѣ, и читавшіе ее говорятъ, что въ ней собрана вся ложь, какую только могли измыслить раскольники въ очерненіе и порицаніе церкви. Въ этомъ позорномъ собираніи лжи и клеветы на св. церковь, по сознанію самихъ старообрядцевъ, принималъ близкое участіе извѣстный ex-газетчикъ грекофилъ, продавшійся на службу раскольникамъ. Послѣ ареста Ѳедоръ Мельниковъ былъ заключенъ въ измаильской тюрьмѣ, а потомъ этапнымъ порядкомъ препровожденъ по желѣзной дорогѣ въ стародубскій тюремный замокъ. Но это было не этапное, а скорѣе тріумфальное шествіе арестанта Мельникова, украсившаго себя ореоломъ старообрядческаго мученика: ѣхалъ онъ со всѣми удобствами, въ особомъ купе, франтовски одѣтый, и на станціяхъ его встрѣчали и привѣтствовали толпы раскольниковъ, а въ родномъ городѣ — Новозыбковѣ почитатели-старообрядцы устроили ему торжественную встрѣчу съ разными овиціями. И все это дѣлалось публично, вполнѣ свободно и безпрепятственно.

Дѣло Мельниковыхъ, какъ слышно будетъ разсматриваться въ Кіевской судебной палатѣ, изъ которой нѣкогда вышелъ съ поднятой головой, вполнѣ оправданный, Онисимъ Швецовъ, преданный суду за распространеніе также подпольныхъ раскольническихъ сочиненій, которыхъ и при

немъ найдено было большое количество. Надобно полагать, что отсюда и Мельниковы выйдутъ съ торжествомъ,— выйдутъ изъ воды сухими. Эта именно надежда на будущее ихъ оправданіе ободряетъ раскольниковъ; но все же они сильно огорчены арестомъ ихъ „героевъ“ и прекращеніемъ заграничной газеты, въ которой имъ такъ сладко было читать всякія лжи и клеветы на церковь и ея защитниковъ. Въ сильномъ раздраженіи находится по сему случаю, какъ намъ сообщаютъ, и самъ московскій ревнитель и покровитель австрійскаго раскола, А. И. Морозовъ, съ такимъ усердіемъ и самоуслажденіемъ распространявшій ругательную газету Мельникова, а теперь лишенный этого наслажденія. Не радуютъ его и московскія дѣла, — причиняетъ не малую скорбь самъ его владыка — Саватѣй.

Недавно, по предложенію правительства, именующійся московскій архіепископъ Савватій далъ подписку, что впредь ни подъ какими бумагами онъ не будетъ подписываться и именовать себя архіепископомъ. Эта подписка равносильна отреченію отъ сана „страха ради человѣча“, за что̀ онъ, Савватій, по 62 апостольскому правилу подлежитъ извержению, и ему бы слѣдовало поэтому удалиться куда-нибудь въ монастырь, чтобы жить тамъ и доживать вѣкъ свой простымъ инокомъ. И болѣе разумные люди изъ старообрядцевъ находятъ, что такъ бы именно ему слѣдовало поступить, что законность его архіерействованія теперь уже сомнительная; а противуокружники и прямо обличаютъ его въ этой незаконности, поставляя на видъ, что по силѣ указаннаго апостольскаго правила, онъ даже и въ томъ случаѣ, „аще покается“, долженъ быть принятъ „яко міряниНъ“. Но для Савватія подобное дѣло не новость, — еще будучи „Тобольскимъ епископомъ“, онъ оффиціально же отрекался отъ епископскаго званія, и несмотря на то, что Антоній съ своимъ совѣтомъ тогда именно судилъ его за это отреченіе, все же однако продолжалъ „архіерействовать“ у раскольниковъ и даже сдѣлался у нихъ „Московскимъ архіепископомъ“: теперь

онъ точно такъ же нимало не думаетъ объ оставленіи каѳедры, повторяя свое любимое „ништо“, чѣмъ приводитъ московскихъ старообрядцевъ въ большое смущеніе. Притомъ же они находятъ, что „владыка-Саватѣй“ слишкомъ ужъ старъ, убогъ и скудоуменъ, что и поэтому давно бы пора ему на покой. Вообще, вопросъ объ удаленіи Савватія возбужденъ теперь у московскихъ старообрядцевъ, и чтобъ рѣшить его, ожидаютъ только возвращенія изъ-за границы одного властнаго въ старообрядчествѣ лица, безъ котораго приступить къ рѣшенію этого дѣла затрудняются. Между тѣтъ есть уже и лицо, очень желающее замѣстить Савватія, — извѣстный Пансій Саратовскій, который въ чаяніи каѳедры у московскихъ раскольниковъ и живетъ болѣе въ Москвѣ, нежели въ Саратовѣ. У раскольниковъ должно быть дозволительно епископамъ жить и внѣ своихъ епархій. Но достигнетъ ли Пансій своихъ ожиданій, это еще сомнительно, такъ какъ у него есть не мало недоброжелателей въ средѣ московскихъ старообрядцевъ, и во главѣ ихъ стоитъ самъ Савватій, весьма недовольный его пребываніемъ въ Москвѣ.

Одинъ изъ старыхъ раскольническихъ лжеепископовъ, поставленный лѣтъ двадцать тому назадъ, Викторъ Уральскій умеръ въ минувшемъ августѣ мѣсяцѣ 26-го числа. Онъ былъ изъ природныхъ уральскихъ казаковъ и, какъ большинство раскольническихъ архіереевъ, былъ человѣкъ недальняго ума и малоначитанный, такъ что съ трудомъ отправлялъ архіерейскія служенія. Теперь московскіе старообрядцы заняты еще и этимъ вопросомъ: кому быть преемникомъ Виктора? Указываютъ на самого Онисима Швецова, именуемаго въ старообрядчествѣ „священноинокомъ Арсеніемъ“, — указываютъ именно друзья его, давно жаждущіе видѣть его въ епископскомъ санѣ. И кому бы, кажется, какъ не такому авторитету раскола, стать на высотѣ раскольническаго епископства? Но именно эта его авторитетность, проповѣдуемая его поклонниками, — его страстная невоздержность въ защитѣ раскола, доходящая до отрица-

нія даже издавна почитаемыхъ старообрядцами писаній, до измышленія собственныхъ, притомъ еретическихъ мнѣній и до упорнаго ихъ проповѣданія, за что̀ онъ подвергался даже суду отъ духовныхъ старообрядческихъ властей, — все это, чѣмъ онъ снискалъ особую авторитетность среди своихъ друзей, и побуждаетъ многихъ вліятельныхъ старообрядцевъ всячески противодѣйствовать возведенію Швецова въ званіе раскольническаго епископа. Такъ было уже не разъ; такъ вѣроятно будетъ и теперь.

9. Исправленіе неточности. — Какія книги вывозятъ раскольники изъ-за границы. — Новые лжеепископы у неокружниковъ и окружниковъ.

Нужно оговориться. Прошлый разъ, сообщая о привезенной Ѳ. Мельниковымъ изъ-за границы въ большомъ количествѣ и арестованной вмѣстѣ съ нимъ книгѣ, мы допустили неточность въ ея названіи. тогда еще не видавши ея. Теперь книга, какими-то путями все-таки доставленная въ Москву, разсылается нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ и даже продается у раскольниковъ. Пріобрѣли ее и мы, и тутъ-то увидѣли, что заглавіе ея не „Современные церковные вопросы“, какъ намъ называли его, а „Церковные вопросы въ Россіи“. Это есть не что иное, какъ пасквиль на русское церковное управленіе. Многое, что̀ говорится въ немъ, особенно объ отношеніяхъ русской церкви къ греческой и болгарской, было говорено и въ раскольнической заграничной газетѣ Мельникова. Несомнѣнно, что пасквиль написанъ въ видахъ служенія расколу, хотя сочинитель иногда проговаривается кое-чѣмъ непріятнымъ для раскольниковъ. Принимая во вниманіе это послѣднее обстоятельство, мы думаемъ, что Мельниковъ и другіе подобные ему раскольническіе литераторы едвали участвовали въ сочиненіи книги, а вся она принадлежитъ тому ех-газетчику грекофилу, о которомъ мы упомянули прошлый разъ[1]). Однако, въ уваженіе того, что книга написана въ пользу раскола и дорога расколу

уже тѣмъ, что позоритъ православную церковь, друзья автора — здѣшніе и заграничные раскольники — приняли на себя ея изданіе, и она напечатана подъ наблюденіемъ Мельникова въ томъ же Браиловѣ и въ той же типографіи Пестемаджіоглу, гдѣ издавалась и печаталась газета Мельникова и, какъ слышно, издается доселѣ, несмотря на арестъ ея редактора. По тому же самому Мельниковъ хотѣлъ и провести въ Россію эту пасквильную книгу въ такомъ большомъ количествѣ.

Провозятъ наши раскольники изъ-за границы и не такого содержанія книги. Юные отпрыски раскола, да и сами произрастители сихъ отпрысковъ, посѣщая злачныя мѣста за границей, съ жадностью накидывается на ту заграничную русскую литературу, въ которой мерзостно поносится святая Русь и ея правители, а русскій народъ призывается сбросить съ себя иго этихъ правителей. Кажется, теперь этой презрѣнной литературой только и интересуются уже путешествующіе по заграничнымъ палестинамъ наши богатые раскольники и ихъ ложно-просвѣщенные сынки, — они пріобрѣтаютъ эти „хорошія“ книжки, секретно перевозятъ ихъ черезъ границу и чтеніемъ ихъ услаждаютъ слухъ своихъ „древлеправославныхъ“ друзей въ любезномъ отечествѣ. Говоря это, мы, конечно, дѣлаемъ большую непріятность тѣмъ защитникамъ и покровителямъ раскола, которые прославляютъ мнимый патріотизмъ нашихъ старообрядцевъ, ихъ преданность престолу и отечеству, а особенно ораторствующимъ о томъ раскольническимъ писателямъ; но что же дѣлать, когда это, что мы говоримъ, несомнѣнная и горькая правда? Въ подтвержденіе мы приведемъ и примѣръ. Минувшею осенью возвратились изъ заграничнаго вояжа два молодые раскольника — сынъ не-

---

[1]) Въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ (№ 288) была напечатана чья-то, изъ Букурешта присланная, статья, въ которой очень искусно изобличаются неправды этого пасквиля выписками изъ газеты „Востокъ“, которую издавалъ нѣкій Н. Н. Дурново.

безызвѣстнаго нашимъ читателямъ богача Гусева Исидоръ и Тимоѳей Гребенниковъ. Изъ Швейцаріи они привезли запасъ „хорошихъ“ книжекъ и, проѣзжая чрезъ Новозыбковъ къ себѣ въ Еліонку, гдѣ жительствуетъ милліонеръ Гусевъ, не преминули, разумѣется, посѣтить гостепріимный домъ „батюшки отца Ефимія Павловича Мельникова“, съ которымъ старый Гусевъ связанъ нѣжными узами дружбы, и принять его обильное угощеніе. Гусевъ съ своей стороны угощалъ хозяина разсказами о просвѣщенной Европѣ, о господствующей тамъ свободѣ, о какой варварская Россія не имѣетъ и понятія, сообщилъ о вывезенныхъ оттуда литературныхъ сокровищахъ, показалъ ихъ и сталъ читать самыя пикантныя мѣста изъ лучшихъ книжекъ. Сановитый раскольническій попъ и особенно юный сынъ его Иванъ (это уже третій, который не выступалъ еще на общественную дѣятельность у раскольниковъ и незнакомъ еще съ острогами), оба они слушали чтеца съ наслажденіемъ и неудержимымъ восторгомъ. Ивану Мельникову Сидоръ Гусевъ даже подарилъ одну изъ заграничныхъ книжекъ. Узналъ о всемъ этомъ часто бывавшій у Мельникова одинъ житель Новозыбкова, православный, но соблазняемый Мельниковымъ въ расколъ, и возмутившись сообщилъ о томъ, куда слѣдуетъ. Произведены обыски: у Ивана Мельникова отобрана подаренная Гусевымъ книжка женевскаго изданія сочиненій Шевченко, „забронныхъ“ въ Россіи, а у Гусева, въ Еліонкѣ, найдены другія привезенныя изъ-за границы книжки, и самъ онъ арестованъ. За огромную сумму денегъ его отпустили на поруки; но судебное дѣло объ немъ все-таки производится. Дѣло кончится по всей вѣроятности оправданіемъ, какъ обыкновенно кончаются дѣла о раскольникахъ; но для характеристики нашихъ старообрядцевъ, и именно австрійскаго согласія, такъ прославляемыхъ за мнимую преданность престолу и отечеству, весьма интересна эта несомнѣнно вѣрная картина: молодой раскольникъ, читающій своему попу вывезенныя изъ-за границы возмутитель-

наго содержанія книжки, и раскольническій попъ съ юнымъ сыномъ, сладостно внимающіе этому чтенію...

А между тѣмъ въ средѣ раскольниковъ австрійскаго согласія началось какое-то движеніе, — примѣчается особенная забота объ умноженіи числа ихъ именуемыхъ епископовъ, которыхъ, казалось бы, и такъ уже слишкомъ много.

Начали неокружники. У нихъ, какъ извѣстно, есть лжеепископы іоспфовцы: самъ Іосифъ, Петръ, Георгій, и есть лжеепископы — сторонники Іова: самъ Іовъ и Михаилъ. Тѣ и другіе не имѣютъ взаимнаго общенія, признаютъ другъ друга незаконными, чуть не еретиками, и составляютъ въ противуокружнической іерархіи двѣ отдѣльныя отрасли. И вотъ недавно два неокружническіе лжеепископа второй упомянутой отрасли — Іовъ и Михаилъ поставили еще двухъ новыхъ, но каждый единолично, не сносясь съ другимъ, чѣмъ и положили начало новаго раздѣленія въ противуокружнической іерархіи. Сначала Іовъ, не сносясь съ Михаиломъ, нѣкоего попа Давыда, получившаго въ постриженіи имя Даніила, поставилъ въ епископа Богородскаго. Это возмутило Михаила: онъ послалъ обличительное посланіе Іову; а Іовъ въ отвѣтъ объявилъ его самого падшимъ и требовалъ, чтобы Михаилъ, если имѣетъ намѣреніе поставить епископа для Балты, о чемъ тотъ увѣдомлялъ Іова, прислалъ этого кандидата на епископство для поставленія къ нему же — Іову [1]). Тогда въ отместку Іову

---

[1]) Намъ доставлено подлинное письмо Михаила, писанное 18 сентября 7405 (1897) г. изъ Кременчуга въ Гороховецъ нѣкоему иноку Гавріилу, гдѣ именно говоритъ онъ о дерзостномъ поступкѣ Іова и о возникшемъ по сему поводу раздѣленіи съ нимъ. Приводимъ это любопытное письмо. „Увѣдомляю тебя о печальномъ событіи, совершившимся въ святой Божіей церкви. В(ладыка) Іовъ нарушилъ ея мі(и)ръ и объявилъ войну ея сынамъ. Безъ увѣдомленія епископовъ единолично посвятилъ свящ.-іерея Давыда въ санъ епископа съ титуломъ Богородскаго. Я всѣ-даки (все-таки) послалъ ему приглашеніе прибыть на соборъ, который назначенъ въ сел. Борскѣ на 10 октября, юго-западн. ж. дор. и тебя приглашаю пріѣхать въ Борскъ. Послѣ же приглашенія получилъ 16 сентября отъ В. Іова посланіе, которымъ

Михаилъ совершилъ тотъ же самый поступокъ, за который обвинялъ своего собрата, какъ „нарушителя церковнаго мира, объявившаго войну чадамъ церкви“, — самъ точно такъ же единолично поставилъ лжеепископа для города Балты — Кирилла. Такимъ образомъ и явились въ противуокружнической іерархіи три отрасли — іосифовцы, іовцы и михайловцы.

Одинъ изъ новыхъ противуокружническихъ епископовъ Давыдъ, какъ почти и всѣ они, человѣкъ малограмотный и вполнѣ ничтожный; а другой — Кириллъ, бывшій въ мирѣ Козма Ипполитовъ, имѣетъ въ расколѣ репутацію человѣка начитаннаго и способнаго имѣть вліяніе. Онъ гуслякъ, крестьянинъ деревни Мисцева; лѣтъ десять тому назадъ служилъ конторщикомъ на фабрикѣ у Морозова; потомъ принялъ монашество и поступилъ къ Іову, который поставилъ его въ іеродіаконы: въ этомъ званіи онъ былъ не малое время секретаремъ и ближайшимъ совѣтникомъ Іова; но потомъ разошелся съ нимъ, — не вынесъ его дикихъ взглядовъ и слѣпой вражды къ Окружному По-

---

онъ меня порочитъ и щитаетъ падшимъ, а есть ли вы считаете нужнымъ поставить на Балту епископа и человѣка приготовили на се, то пріѣзжайте ко мнѣ, я дѣскать его посвящу. Вотъ дѣянія В. Іова! Какъ онъ сердечный мучится, должно быть, что миръ-то съ нами заключилъ. Да воздастъ ему праведный судія за возмущеніе св церкви. Что дѣлать, время своя слуги собираетъ. Напиши, какъ твое здоровье и пріѣдешь ли на соборъ. 1-го и 2-го числа я думаю быть въ Адессе“. Слѣдуетъ подпись: Смиренный *Михаилъ* епископъ Новозыбковскій“, и печать. Собственноручно вписано Михаиломъ только имя, а письмо все писано нѣкіимъ инокомъ Діонисіемъ. Въ особой припискѣ этотъ Діонисій извѣщаетъ Гавріила, что „два мѣсяца путешествовалъ съ Вл. Михаиломъ“. Вотъ какъ свободно разъѣзжаютъ по Россіи изъ мѣста въ мѣсто раскольническіе владыки, — нынѣ въ Кременчугѣ, черезъ нѣсколько дней въ Одессѣ, потомъ въ Черниговскихъ слободахъ! Насъ извѣщаютъ, что не далѣе, какъ 2 ноября, этотъ Михаилъ служилъ у противуокружниковъ въ Воронкѣ, вмѣстѣ съ лжеепископомъ Іосифовской партіи — Петромъ, съ которымъ очевидно примирился, тогда какъ съ Іосифомъ состоитъ попрежнему въ раздорѣ. Оба, и Михаилъ и Петръ, прожили въ Воронкѣ болѣе мѣсяца.

сланію, такъ какъ самъ раздѣляетъ выраженное въ Окружномъ Посланіи ученіе. Думаютъ, что этотъ Кириллъ, сдѣлавшись епископомъ у неокружниковъ, будетъ содѣйствовать ихъ примиренію съ окружниками (Надежда неосуществимая! Самъ онъ можетъ сдѣлаться окружникомъ и кое-кого изъ своей паствы быть можетъ увлечетъ за собою; но достигнуть полнаго примиренія между окружниками и неокружниками не удастся никому); иные видятъ въ немъ даже будущаго преемника Савватія, объ удаленіи котораго, за старостью и скудоуміемъ, все упорнѣе ходятъ слухи. Это считаютъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что Паисій Саратовскій, давно стремившіся къ занятію московской каѳедры у раскольниковъ, тяжко боленъ и уже принялъ схиму, слѣд. ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть преемникомъ Савватія. Напротивъ, теперь идетъ уже рѣчь о преемникѣ ему самому на Саратовской каѳедрѣ. Называли этимъ преемникомъ Арсенія, сирѣчь Онисима Швецова; слышно было, что и сами саратовскіе поповцы просили Духовный Совѣтъ о назначеніи его къ нимъ. Но пока ходили эти слухи, получено достовѣрное извѣстіе, что Онисимъ Васильевичъ уже есть — епископъ Уральскій Арсеній! Духовный Совѣтъ, послѣ долгихъ колебаній, далъ согласіе на произведеніе его въ епископы вмѣсто умершаго Виктора Уральскаго; поставленіе произведено въ Безводненскомъ скиту, его ближайшими сотрудниками и почитателями, хотя и ничтожнѣйшими даже среди раскольническихъ лжеепископовъ, — Кирилломъ Нижегородскимъ и Іоасафомъ Казанскимъ. Итакъ пресловутый Швецовъ, современный раскольническій ересеучитель, воспитавшій столькихъ ревностныхъ защитниковъ раскола — братьевъ Мельниковыхъ, Механикова, Усова, Брилліантова, Смирнова и т. д., — достигъ наконецъ давно желанной мнимо-епископской степени! Событіе, не лишенное значенія. И любопытно будетъ видѣть, какъ отзовется оно на дальнѣйшей дѣятельности Швецова. Авторитета мнимо-епископское званіе ему не придастъ даже и въ глазахъ раскольниковъ. Вѣдь и Савва-

тій епископъ; но развѣ отъ этого онъ сталъ авторитетомъ? А между тѣмъ занятія по епархіи необходимо отвлекуть Швецова въ большей или меньшей степени отъ его излюбленной дѣятельности въ качествѣ пропагандиста раскола и раскольническаго литератора. Или онъ разсчитываетъ сдѣлаться современемъ московскимъ владыкой и взять въ свои руки управленіе всѣми „церковно-іерархическими“ дѣлами австрійскаго раскола? Мечтать можно; но исполненіе этихъ мечтаній весьма сомнительно. Во всякомъ случаѣ Швецовъ, какъ раскольническій епископъ, представляетъ любопытное явленіе, и интересно послѣдить за его дальнѣйшей дѣятельностію.